ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й № 146 (4271) | Суббота, 10 декабря 1960 г. | ЦЕНА 40 КОП.

ИСТОЧНИК МУДРОСТИ И ВДОХНОВЕНИЯ

ПРОШЛО несколько дней после опубликования важнейшего исторического документа — Заявления Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Можно без преувеличения сказать, что это событие всколыхнуло весь мир, привлекло внимание друзей и врагов, стало темой широчайшего обсуждения на страницах зарубежной печати, радио и телевидения. Буржуазные пропагандисты, не в пример своей обычной практике, не решились на этот раз ни замолчать, ни приуменьшить значение этого документа. Слишком очевидно каждому, сколь велик этот вклад в марксистско-ленинское учение; слишком ясно, что боевая программа международного коммунистического движения послужит вдохновляющим стимулом в борьбе всех прогрессивных сил за мир, за демократию и национальную независимость во всех уголках земного шара. Все крупнейшие буржуазные издания поместили сообщения о Совещании и опубликовали выдержки из текста Заявления.

Конечно, руководителям западной политики, государственным деятелям, строившим свои расчеты на зыбкой почве — вымышленных «разногласиях» в рядах рабочего движения, — невесело в эти дни. Не сбылись многочисленные предсказания пропагандистов, находящихся на службе у американских и английских монополий. Совещание продемонстрировало всему миру монолитное единство, несокрушимую сплоченность международного коммунистического движения, общность взглядов участников Совещания по всем важнейшим, наиболее актуальным вопросам современности. Есть от чего прийти в уныние господам империалистам!

Теперь западная печать вынуждена сквозь зубы признать, что надежды на «раскол» и «разногласия» в коммунистическом движении не осуществились. Чего стоит хотя бы такое признание «Нью-Йорк геральд трибюн» (той самой газеты, которая всего несколько дней назад предрекала, что «состояние напряженности на высших коммунистических уровнях будет сохраняться»): «Коммунистические партии всего мира сплотились вокруг Советского Союза и его теории, что война между коммунистическим блоком и Западом не является неизбежной»! Или высказывание «Нью-Йорк таймс»: «Манифест красных поддерживает советскую линию сосуществования».

Идеи мирного сосуществования, реальной возможности предотвращения новой мировой войны, полного и всеобщего разоружения, которыми проникнуто Заявление, обладают огромной притягательной силой. Буржуазные идеологи не решаются просто отвергнуть их. Иначе им пришлось бы во всеуслышание заявить, что они готовят человечеству новую мировую бойню. И лондонская «Таймс» не только отмечает историческое значение Заявления, но и публикует большие выдержки, выделяя те места текста, где говорится, что коммунистические партии считают борьбу за мир своей первостепенной задачей и подчеркивают необходимость мирного сосуществования стран с различными системами. «Всемирный призыв к миру», «Исключение войны, хотя существует капитализм», — пишет «Таймс». Характерно и следующее: правая английская газета «Дейли мейл» высказывает мнение, что Совещание представителей коммунистических и рабочих партий расчищает путь к встрече глав правительств Востока и Запада на высшем уровне.

Совещание в Москве будет способствовать сохранению мира. К этому выводу приходят все реально мыслящие люди. Шведская газета «Свенска дагбладет» подчеркивает, что Заявление подтверждает линию мирного сосуществования в качестве основного принципа международных отношений в современных условиях. Внешнеполитический комментатор газеты «Дагенс нюхетер» считает, что теперь открываются новые перспективы для переговоров между Советским Союзом и США по важнейшим проблемам. Ту же мысль проводит и иранская газета «Седае мардом». «Все миролюбивые люди на земле надеются, — пишет газета, — что это Заявление будет претворено в жизнь и мирное сосуществование и дружба будут доминировать в международных отношениях, а всеобщий страх перед атомной войной и уничтожением человечества будет устранен».

«Коммунисты вновь подчеркивают, что войны не неизбежны!» — пишут японские газеты.

И даже западноберлинская газета «Телеграф» пишет, что «московский манифест заслуживает тщательного анализа». «Войны можно избежать» — эти слова газета выносит в заголовок на первой странице. Такая перспектива, впрочем, как видно, мало радует боннских реваншистов. Западногерманские газеты утверждают, что Заявление «выдержано в агрессивном тоне», предрекают «обострение холодной войны», «наступательные действия Москвы», то есть делают все возможное, чтобы исказить цели мирового рабочего движения. Жалкие, беспомощные попытки! Кто поверит им, прочтя исполненные благородства, поистине вдохновенные слова Заявления: **«Коммунисты видят свою историческую миссию не только в том, чтобы упразднить эксплуатацию и нищету в мировом масштабе и навсегда исключить возможность любой войны из жизни человеческого общества, но уже в современную эпоху избавить человечество от кошмара новой мировой войны. Коммунистические партии всех стран посвятят осуществлению этой великой исторической миссии все силы и энергию».**

Сила коммунистических и рабочих партий в их сплоченности, единстве, в нерушимой верности интернациональному долгу. Совещание представителей 81 коммунистической и рабочей партии в Москве—яркая демонстрация непоколебимого доверия всех братских партий к Советскому Союзу — общепризнанному авангарду международного коммунистического движения. Программа, выработанная в итоге встречи передовых борцов рабочего класса за счастье миллионов людей, служит источником мудрости и вдохновения для широчайших народных масс всего мира.

«650-миллионный китайский народ всегда будет стоять рядом с великим советским народом, рядом с народами других стран социалистического лагеря, рядом с народами всего мира, еще выше нести красное революционное знамя марксизма-ленинизма в борьбе против агрессии империализма, за защиту мира во всем мире, за социализм и коммунизм и за прогресс человечества, добиваясь еще более великих побед», — пишет китайская газета «Дагун бао». Совещание представителей коммунистических и рабочих партий, пишет румынская газета «Ромыниа либера», имеет историческое значение, являясь самым широким международным совещанием со времени возникновения рабочего движения. Оно широко и основательно, с позиций марксизма-ленинизма обсудило самые насущные проблемы современности... Оно со всей силой продемонстрировало непоколебимое единство коммунистических и рабочих партий всего мира, их верность марксистско-ленинскому учению, всепобеждающим идеям пролетарского интернационализма.

Коммунистическое движение в странах капитала стало огромной силой, с которой не могут не считаться империалисты. Коммунисты выступают в первых рядах борцов против капиталистических монополий—оплота реакции и агрессии.

«Это совещание в верхах стало историческим...,— делает весьма знаменательное признание английская консервативная газета «Санди таймс». — Изменился характер международных коммунистических движений. Когда в «Правде» появился снимок участников Совещания, казалось, что кончился век... На фотоснимке, помещенном на первой полосе, изображены представители многих стран, даже тех, где коммунизм объявлен вне закона. Год назад они не пошли бы на риск, чтобы их увидели и легко узнали, а сейчас уверенность и сила их такова, что они идут на этот риск. Самый важный урок этого Совещания состоит в том, что коммунисты больше не чувствуют себя представителями подпольной организации, а, как они сами говорят, являются представителями международной организации, которая больше не боится длинной руки буржуазного полицейского».

Да, никакие репрессии и преследования, никакие ухищрения, никакие попытки расколоть ряды рабочего класса не могут сломить силы и уверенности коммунистов в окончательной победе.

Путеводной звездой будут решения Совещания представителей коммунистических и рабочих партий для народов колониальных и зависимых стран. В Заявлении раскрываются пути к достижению полной независимости, полного политического и экономического суверенитета теми странами, которые освободились от колониального гнета.

...Историческое Московское совещание придало новую силу и сплоченность международному коммунистическому движению. Оно внесло неоценимый вклад в борьбу за мир и счастье всего человечества, за светлое будущее для многих поколений!

ДЛЯ СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕКА

«Окрыленные вниманием и заботой партии и правительства, мы полны решимости отдать все силы и знания, свой опыт и творчество для наиболее полного воплощения в жизнь задач дальнейшего подъема здравоохранения в нашей стране. Мы хорошо понимаем, что это будет способствовать дальнейшему укреплению общественного здоровья, всестороннему физическому и духовному развитию народа, вдохновенно строящего коммунизм».

Это — строки из приветствия, которое направили Центральному Комитету КПСС и Совету Министров СССР участники закрывшегося позавчера Всесоюзного совещания актива работников здравоохранения. Представители трехмиллионной армии работников советской медицины собрались в Кремле, чтобы обсудить, как выполняется постановление партии и правительства «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР».

В прениях по докладу министра здравоохранения СССР тов. С. В. Курашова выступали министры здравоохранения союзных республик ученые, рядовые врачи. Они рассказывали о больших успехах, достигнутых за последнее время работниками здравоохранения страны, вносили интересные предложения.

Заботой о здоровье человека, о его счастье были проникнуты все выступления работников медицины.

В работе совещания приняли участие товарищи А. Б. Аристов, Н. Г. Игнатов, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Н. А. Мухитдинов, М. А. Суслов.

Вчера Правительство СССР устроило прием в честь участников совещания актива работников здравоохранения.

В ЦК КПСС

ЦК КПСС постановил перенести срок созыва очередного Пленума ЦК КПСС на январь 1961 года.

Обсуждение закончилось...

В Москве, в Центральном Доме литераторов, продолжает свою работу объединенный пленум правлений Союза писателей РСФСР, московской и ленинградской писательских организаций. Вопрос, обсуждающийся участниками пленума: «Коммунистическое воспитание и современная литература для детей и юношества».

Этот вопрос, затрагивающий самые серьезные проблемы нашей детской и юношеской литературы, привлек многих писателей, общественных работников, деятелей культуры.

Прения по докладу Л. Соболева, как уже сообщалось, были открыты на утреннем заседании 7 декабря письмом С. Маршака и выступлением Л. Кассиля. Вечером этого дня выступили А. Мусатов, С. Михалков, Л. Успенский, А. Барто, заместитель министра просвещения РСФСР А. Маркушевич, С. Баруздин, заместитель министра культуры РСФСР М. Пашков, О. Коряков.

8 декабря в прениях приняли участие Н. Доризо, президент Академии педагогических наук РСФСР И. Каиров, Заки Нури, секретарь ЦК ВЛКСМ Л. Карпинский, С. Сартаков, директор Детгиза К. Пискунов, Н. Рыленков.

На вечернем заседании участники пленума прослушали интересную речь К. Чуковского. Выступили также В. Кожевников, Н. Устинович, Н. Томан, Мустай Карим, В. Торопыгин, В. Немцов, Г. Медынский, В. Захарченко, С. Преображенский, С. Залыгин.

Утром 9 декабря писатели — участники пленума выступали в цехах московских заводов и фабрик, на предприятиях столицы.

Вечером состоялось заключительное заседание. Отчет о работе пленума Союза писателей РСФСР будет помещен в следующем номере.

КРУПНЕЙШАЯ В МИРЕ

Последний, двадцать первый агрегат становится под нагрузку, и в ближайшие дни Сталинградская гидроэлектростанция заработает на полную мощность. Крупнейшая в мире станция будет вырабатывать в год до 14 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, в восемь раз больше, чем все электростанции России в 1913 году.

Что значит пуск Сталинградской ГЭС для народного хозяйства нашей страны? Это прежде всего дешевая электроэнергия, которая поступит в Москву, Поволжье, Донбасс и другие районы Советской страны. Уже выработаны первые шесть миллиардов киловатт-часов, и себестоимость каждого киловатта немногим превышает 2 копейки. Сталинградская ГЭС дает возможность оросить полтора миллиона и обводнить шесть миллионов гектаров плодородных земель Заволжья и Прикаспийской низменности. Огромный мост через Волгу связал город-герой с левобережными районами. У стен Сталинграда плещутся волны огромного искусственного моря.

Путь Волге преградила 5-километровая громада плотины, могучая река направлена по новому руслу, через бетонные сооружения. Самое здание гидростанции по объему своему равно новому зданию Московского университета.

Рядом с ГЭС, на левом берегу нового моря и Волги, воздвигнут город гидростроителей—Волжский, с многоэтажными жилыми домами, парками, садами. В нем уже сейчас 70 тысяч жителей.

Сталинградская ГЭС стала великолепной школой строителей. Многие выросшие здесь передовики ныне передают свой опыт на зарубежных стройках. На Волге с одинаковым оживлением обсуждаются как здешние новости, так и новости, приходящие с Асуана.

На Волге стоят теплые, ясные, будто совсем не зимние дни. Хорошо складывается праздник сталинградцев.

Навстречу Пленуму ЦК КПСС

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Е. ЛОПАТИНА, собственный корреспондент «Литературной газеты»

— ВОЛНУЕТЕСЬ? Немолодой, приземистый, начинающий полнеть мужчина усмехнулся и слегка пожал плечами:

— А что волноваться? Привык уже: после войны пятнадцатый год в первых секретарях хожу...

И уверенной, неторопливой походкой направился в зал заседаний, твердо, по-хозяйски ступая, поднялся на сцену, привычно занял председательское место за столом президиума.

Каюсь, я смотрела ему вслед с неодобрением и даже, пожалуй, с неприязнью. Мне казалось, я имела к этому все основания. Ну, посудите сами. В ответственной областной организации, куда я пришла посоветоваться, о ком бы мне написать, кто плохо выполняет свои обязательства по сельскому хозяйству, мне, не задумываясь, назвали Морозовский район. В областной газете, из которой я хотела предварительно узнать об этом районе, заголовки статей, посвященных морозовцам, звучали, словно пощечины: «У нерадивых хозяев», «Слова, брошенные на ветер», «Решили и... забыли», «Дальше собрания дело не пошло», «Речей был поток, а дел—ручеек». И вот, несмотря на все это, первый секретарь райкома идет на очередную партийную конференцию отчитываться в печальных результатах своей работы и — полюбуйтесь на него! — не волнуется, не переживает...

Делегаты меж тем, оживленно переговариваясь, заняли свои места. Василий Григорьевич Зернов взял слово для отчетного доклада.

Ну, что сказать про его доклад? В жизни своей я слышала десятки, а может, сотни докладов, где по-аптечному точно было соблюдено равновесие между достижениями и недостатками, где свет и тени были наложены, как на полотнах импрессионистов нежными, расплывчатыми пятнами и мазками. Зерновский доклад был не хуже и не лучше других. К нему тоже нельзя было придраться: в меру уверенный, в меру самокритичный.

Потом начались прения.

ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ на трибуну поднялся председатель колхоза Кирилл Ермолаевич Тришечкин — представительный, седой, в черном отутюженном кителе, в зеркально сияющих хромовых сапогах. Начал он с того, что планы развития животноводства выполнены колхозом по всем видам скота, а по мясу, яйцу и шерсти даже перевыполнены. Затем признал, что обязательства ни по одному виду животноводческой продукции не выполнены. И под конец срывающимся голосом торжественно заверил конференцию, что в будущем году колхоз с честью... как полагается... и так далее... и тому подобное.

Фамилия оратора показалась мне знакомой. Я заглянула в блокнот и — точно, среди выписанных мною заголовков областной газеты оказался и такой: «А Тришечкин все обещает». Речь в заметке шла о нем об этом самом председателе.

В первый же перерыв я отозвала Кирилла Ермолаевича в сторону и без всяких обиняков начистоту спросила: а почему все-таки проваливаются обязательства? Кирилл Ермолаевич смотрел куда-то в сторону, сильно прищурившись, как бы оберегая глаза от яркого солнца. Говорил он медленно, будто прежде, чем сказать, пробовал на вкус каждое слово: не солоно ли, не горько?

— А это, дорогой товарищ, как кто понимает выполнение.. Вон мой сосед нынче выскочил с мясом, хвалят его. А как выскочил? Скот под нож пустил, вот как... Фермы опустели, на каждые сто гектаров каких-нибудь две головы осталось, а председатель колхоза в героях ходит... Или, к примеру, меня по весне хвалили, молодец, повысил площади кукурузы, почти четыре тысячи гектаров засеял... Мама родная, а зачем они мне, эти площади, если техники у меня мало, если я их все равно обработать не смогу и убрать не сумею?.. В обязательствах, скажу я вам, должна быть хозяйственность и эта... как ее... реальность. А то, вон, была у меня свинарка Люба, хвалили мы ее. А как дал я ей обязательство догнать Чижа, как оформил ей на откорм две тысячи голов, так она и «села» — ни чижа тебе, ни синицы...

— Как же это вы ей дали обязательство? — удивилась я. — Обязательства не дают, а берут.

Он вдруг перестал щуриться, метнул на меня острый ястребиный взгляд, протянул с хитринкой:

— Где берут, а у нас дают...

И опять опустил тяжелые веки, заторопился: «пойду, покурю, а то перерыв кончится».

ЭТО БЫЛО что-то новое совсем неожиданное. Я тут же отыскала начальника районной инспекции по сельскому хозяйству и потребовала у него разъяснений. Владимир Анатольевич Косов с готовностью подтвердил слова председателя

— Все правильно! Он дает обязательства бригадам и фермам, а мы даем обязательства ему, на колхоз.

Мое изумление, должно быть, развеселило Косова. Широкое румяное лицо его расплылось в улыбке:

— Да что ж тут особенного? Порядок при этом, конечно, соблюдается: сидят они, мозгуют, прикидывают, туда-сюда костяшки на счетах гоняют, голосуют, принимают решения. А мы здесь, в районе, посмотрим и перекрестим все: мало! Ну, почешет председатель затылок и опять к народу: так, мол, и так, давайте трошки округлим... И принимают новые, повышенные обязательства.. Да не один раз, а три-четыре, пока мы не добьемся, чтобы обязательства района были не хуже, чем у соседей.

— Обязательства или выполнение?

— Ну, цыплят по осени считают. А весной надо, чтобы обещания хорошо выглядели, чтобы замах солидный был.

Звонок прервал нашу беседу. Перерыв кончился. Делегаты устремились в зал, продолжать прения.

Что сказать про эти прения? Как и в других местах, были здесь ораторы, говорившие обо всем обтекаемыми, обкатанными, будто речная галька, словами, которые, вроде бы, задевают всех, да никого не царапают. Были и такие, что, подобно громовержцам, швыряли с трибуны стрелы и копья критических замечаний. Были плакальщики, во всем обвинявшие природу, погоду, но отнюдь не себя. Были любители стучать в грудь кулаком, каяться в своих ошибках. Но больше всего оказалось людей принципиальных глубоко озабоченных положением дел в районе, стремящихся объективно, трезво оценить обстановку, сделать правильные выводы из недоделок и промахов.

Много, очень много горьких пилюль пришлось проглотить секретарю райкома и всем другим, кто с ним вместе разделяет ответственность за район.

Говорилось о том, что здесь нет должной целеустремленности и настойчивости, нет планомерной продуманной работы по подъему всех отраслей сельского хозяйства, особенно животноводства. Руководители района любят говорить об успехах «по сравнению с 1953 годом», но в последние 2—3 года темпы прироста так незначительны, что морозовцам потребуется несколько лет для того, чтобы догнать передовые районы области. Производство мяса составляет всего 15 центнеров на сто гектаров земельных угодий причем государству в этом году продано на 4 тысячи центнеров меньше, чем в прошлом. Надой молока снизился за год почти на 500 килограммов на каждую фуражную корову. По производству молока район занимает одно из последних мест в области.

Говорилось о том, что здесь верят во всесильность принятых решений, указаний, распоряжений, плохо осуществляют контроль исполнения. Вот, например, порезали и сдали в мясопоставки всех быков-производителей, решив впредь перейти на более прогрессивное искусственное осеменение, а дело это как следует не организовали, и вот вам результат — 1 300 коров, почти четверть всего стада, остались яловыми, не дали ни приплода, ни молока. «Замахнулись» откормить 51 тысячу свиней, а условий свинаркам не создали и, конечно, провалили обязательство. Прокричали на всю область: дадим полмиллиона голов птицы, а вместо того допустили массовый падеж, уменьшили птичье стадо.

И о том еще говорилось, что к соревнованию здесь относятся формально, что многие доярки, свинарки, птичницы не знают своих обязательств (или, точнее говоря, обязательств, подсказанных им!) и, по сути дела, не борются за них, что во всем этом деле преобладает элемент случайности: повезло, удачным оказался год, подскочил «показатель» — значит, будем ходить в героях, не повезло, покатился «показатель» вниз — вали все на неблагоприятные погодные условия..

То, что критикующие били не в бровь, а в глаз, как нельзя лучше подтвердил сам Василий Григорьевич.

В заключительном слове на конференции и в речи на первом заседании вновь избранного пленума райкома он искренне, с доброй улыбкой поблагодарил товарищей за критику («ну и хорошего духу вы мне дали!»), рассказал о том, как с него за те же грехи недавно в обкоме партии «снимали стружку», пообещал учесть все замечания и призвал всех сообща, вместе, дружно «навалиться на сельское хозяйство, оседлать его и вывести Морозовский район в число передовых районов области».

(Окончание на 2-й стр.)

ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ

Совещание в ЦК КП Азербайджана

На днях в Баку состоялось совещание писателей, созванное Центральным Комитетом Компартии Азербайджана. Участники совещания обсуждали насущные проблемы литературной жизни республики.

За последние годы азербайджанская литература обогатилась новыми талантливыми произведениями на темы современности. Однако далеко не все книги азербайджанских писателей отвечают высоким запросам широкого читателя нередко важная, актуальная тема не находит себе достойного художественного воплощения.

Вот почему выступавшие на совещании писатели подвергли серьезному критическому анализу положение дел в своем литературном хозяйстве.

— Мы часто говорим о необходимости глубже изучать жизнь... — сказал Мирза Ибрагимов. — Все это верно. Но досконального знания фактического материала еще недостаточно. Факты и события должны быть осмыслены освещены, из них надо уметь отобрать наиболее характерные для нашего времени. Такого рода раздумий, умения подметить главное, подчас недостает авторам многих книг о современности.

— За месяц нельзя изучить жизнь, — подчеркнул Рагул Рза. — Это непрерывный процесс... А некоторые наши писатели стремятся совместить приятное с полезным: берут творческую командировку в летнее время и едут «изучать жизнь» в родное селение.

Такое беглое знакомство с колхозным селом, по мнению Мехти Гусейна, приводит к тому, что порой авторы, «скользя по поверхности», уделяют неправомерно большое внимание теневым сторонам нашей действительности.

С. Григорян призвал писателей Азербайджана поддержать инициативу редакции «Правды» — создать серию литературных портретов героев наших дней, созидателей светлого коммунистического завтра.

Много внимания участники совещания уделили наиболее отстающим жанрам азербайджанской литературы: драматургии, литературной критике, публицистике.

В прениях выступили также Дж. Хандан, С. Рагимов, К. Касум-заде, М. Велиев, М. Мэмедов, М. Ариф и другие писатели.

С большой речью к участникам совещания обратился первый секретарь ЦК КП Азербайджана В. Ахундов. В работе совещания приняли участие секретарь ЦК КП Азербайджана Н. Гьджиев и заместитель председателя Совета Министров республики А. Керимов.

Ю. ДАШЕВСКИЙ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

БАКУ

В стране вечного лета

Рисунки и текст художника Виталия ГОРЯЕВА

Этой осенью делегация Общества советско-цейлонской дружбы побывала на острове Цейлон. В ее составе были президент общества профессор В. Я. Аболтин, ответственный сотрудник Союза Советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами Ю. Ф. Косякина и я.

За те немногие дни, что мы находились на Цейлоне, я успел изъездить вдоль и поперек страну вечного лета. На благодатной земле этого острова созревают чудесные плоды—кокосы, самые крупные ананасы, вкусные бананы, чудо природы—манго. Здесь великолепные плантации каучуконосов и риса, чая, масса самой разнообразной рыбы.

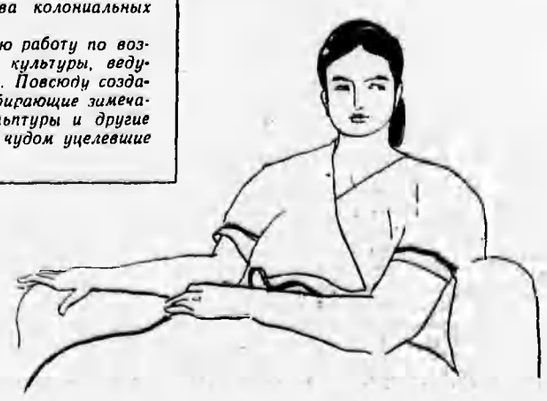
Подобно тому, как цейлонцы подставляют к надрезанному стволу каучуконосного дерева сосуд, чтобы по капле собрать драгоценный каучук, колонизаторы собирали в трюмы своих гигантских грузовых пароходов лучшие соки, выжатые ими из цейлонской экономики. Хозяйство страны было разорено и искалечено этими бесцеремонными любителями «восточных сладостей». Но народ Цейлона, добившись политической независимости, с энтузиазмом взялся за ликвидацию последствий этого чудовищного мародерства колониальных хищников.

Видели мы и огромную работу по возрождению национальной культуры, ведущуюся ныне на Цейлоне. Повсюду создаются музеи, бережно собирающие замечательные памятники скульптуры и другие произведения искусства, чудом уцелевшие от разграбления.

Дружба между цейлонским и советским народами крепнет день ото дня. Советский Союз помогает расчищать на острове джунгли, ведет с Цейлоном взаимовыгодную торговлю. С помощью наших специалистов на острове будут строиться металлургический и шинный заводы, комплексное гидротехническое сооружение. В Москве обучается большая группа студентов-цейлонцев. Дружеские связи между деятелями культуры приобретают систематический характер.

Рисунки, помещенные в этом номере, лишь малая часть сделанного мною во время нашей поездки на Цейлон. Эти мои работы будут представлены полностью на выставке, которая откроется в ближайшие дни в Москве, в Доме дружбы. Открытие выставки совпадает с первой годовщиной создания Общества советско-цейлонской дружбы.

Район порта в столице Цейлона — Коломбо. Этот район описан в рассказе Ивана Бунина «Братья». Он мало изменился с того времени. Правда, в порту появились краны, риса стало меньше, их заменяют автомашины. Все чаще в порту появляются суда советского торгового флота и все реже — моряки с английских и американских военных кораблей.



Премьер-министр Цейлона госпожа Сиримаво Бандараранаике приняла нас в своей резиденции. Необычайна судьба этой замечательной женщины. Ее муж премьер-министр Цейлона Соломон Бандараранаике — последовательный и стойкий борец против колониализма — был убит изменниками родины. Овдовевшая Сиримаво Бандараранаике, мать троих детей, продолжила дело своего мужа. Она стала лидером созданной им патриотической партии Шри Ланка Фридом, а затем волей народа заняла пост премьер-министра. Это первая в мире женщина — глава правительства. Провозглашенная правительством Сиримаво Бандараранаике политика нейтралитета и социальных реформ пользуется горячей поддержкой народа. Упоминание имени госпожи Бандараранаике в наших выступлениях в разных уголках страны неизменно вызывало бурю аплодисментов.

Любитель новостей удобно устроился со свежей газетой. Вообще такая обиходная вещь, как стул, не очень популярна на Цейлоне. Однажды, когда мне понадобилось сесть, чтобы удобнее было рисовать, в восьми хижинах деревни с трудом нашли нечто похожее на стул...

Все цейлонские дети с 5 до 14 лет обязаны посещать школы. Государство проявляет большую заботу о просвещении и берет ныне под свой контроль школы, находившиеся в руках католической церкви. «Мы, — заявила госпожа Бандаранаике, — больше не станем тратить государственные средства на увековечение старой колониальной системы».

На Цейлоне хорошо поставлено эстетическое воспитание школьников. Учитель танцев и учитель рисования — первые люди среди преподавателей. Каждая встреча со школьниками кончалась показом танцев, что, надо сказать, делалось малышами с громадным удовольствием.

ДВОЕ И ТЫСЯЧА СМЕРТЕЙ

Это было недавно на далеких Курильских островах...

Остров Шумшу неожиданно потрясли взрывы могучей силы. Звенели стекла в окнах домиков рыбацкого поселка, дрожали постройки, и, перекатываясь, многократно повторялось гулкое эхо. Лишь немногие на островитян знали, что это за взрывы.

...В Петропавловск-Камчатский пришло тревожное сообщение: на острове Шумшу найдены зарытые в землю японские мины и снаряды. Один рабочий уже покалечился, нужно срочно прислать специалистов.

Решили командировать для начала двух саперов: младшего сержанта Виктора Петраченко и ефрейтора Владимира Красакова. Спокойные, уравновешенные, мастера своего дела, они вполне заслуживали доверия.

И вот саперы на вершине сопки. Внизу клубится туман, густой, промозглый, где-то грохочет море.

— Ну что ж, начнем? — сказал Петраченко и снял с плеча миноискатель.

Это был огромный и кропотливый труд: шаг за шагом, метр за метром прощупать чутким миноискателем значительную территорию примерно в триста квадратных метров. Сперва, обнаружив кучку артиллерийских снарядов, слегка присыпанных землей, саперы подумали, что японцы просто бросили их за ненадобностью или не успели расстрелять. Однако невдалеке от первой кучки они обнаружили вторую, третью, четвертую.

Тут было не меньше тысячи снарядов и авиационных бомб, и каждый снаряд, каждая мина или бомба, уже изъеденные ржавчиной, таили в себе смерть.

Закончив отмечать флажками опасный участок, друзья посоветовались: как быть дальше? Возвращаться в подразделение и докладывать о результатах разведки? Но кто поручится, что на острове за это время ничего не случится?

И тогда они пришли к выводу: надо обезвреживать участок собственными силами.

Да, но как это сделать, если вес одной авиационной бомбы около 275 килограммов, а их тут не меньше полутора десятков? Да и снаряды не из легких, и ручных гранатам нет числа. Было решено: бомбы скатывать с сопки в овраг по дорожке, тщательно утрамбованной толстым слоем мха. Пришлось ощупать руками весь склон, так как при малейшей неровности бомба могла взорваться по пути. Что касается снарядов и гранат, то их сносили в овраг на руках, а для этого приготовили другую дорожку, вырезав в глинистом грунте ступеньки. В овраге весь этот смертоносный груз можно безопасно взорвать.

И вот задание выполнено. Участок полностью обезврежен. Тут же, на каменистом склоне сопки, друзья по нанесенным в блокноте черточкам подсчитали: снесено в овраг и взорвано 1 840 снарядов, 350 гранат, 590 взрывателей, 21 авиабомба... Каждый из саперов по крайней мере тысячу раз подвергался за эти 48 дней смертельному риску.

Капитан II ранга В. КОРОЛЕВ

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ

От редакции: Получив это сообщение, редакция поручила своему дальневосточному корреспонденту связаться с командованием части, где служат саперы-герои.

Вот какой был получен ответ:

«Сообщаем: Владимир Красаков и Виктор Петраченко чувствуют себя хорошо.

Командование высоко оценило их работу, они достойно поощрены: на днях они отбывают на родину в отпуск.

Родным воинов-героев — в Донбасс старому шахтеру Егору Тимофеевичу Петраченко и в Липецкую область колхозницепенсионерке Марии Николаевне Красаковой — посланы письма, в которых командование благодарит их за воспитание сыновей-патриотов.

Контр-адмирал В. ПИЛЬЩИКОВ»

Фазиль ИСКАНДЕР

НОВЫЕ СТИХИ

ГИМН ДЕТЯМ

Эй, бррабанщики-банщики!
Эй, трубачи-трубочисты!
Сказочники, обманщики, фокусники,
артисты,
Старатели, кладоискатели, суровые
землепроходцы,
Любители лимонада — сами себе
полководцы!
Тычьтесь, пока не поздно, мордами
в мякоть арбуза!
Позванивают и побулькивают ваши
веселые пуза.
Вам ли, товарищ, скажите, вам ли,
скажите, корыш,
Гадкий утенок зализанный,
комнатный этот заморыш?!
Воздух морей — полезней! Воздух
лесов — полезней!
Дерево — доктор, а листик —
лучший рецепт от болезней!
Карабкайтесь в горы, ребята,
хватайте струю водопада,
Шатающуюся у ног,
Как всаженный в землю клинок!
Где-то заливы и заводи, где-то
Стамбул и Афины.
Морем — до самого полюса,
фыркающие дельфины!
В сторону, в сторону шуточки!
Этот рыбак знаменитый
Ловит антенною удочки
подводную песню ставриды.
Кработорговцы, ныряльщики,
донных ракушек владельцы,
Храбрые красногвардейцы,
таинственные индейцы.
Мокрая молодь. Молодость.
Густо-зеленые всходы,
Граждане юной коммуны. Глубинные
свежие воды.
Грядущие космонавты, солнцем
палите шкуры!
Будьте здоровы, дети!
Славлю вас, бедокуры!

КОСМИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Когда я увидел в газете
Немыслимый снимок луны,
Потустороннее фото
Обычной величины,
С волнением странным и смутным
Его оглядел я в тиши,
Как если б на пленке рентгена
Увидел бы снимок души.
Как будто бы то, что от бога
Не велено было вовек,
Своими глазами земными
Увидеть посмел человек.
Да, боги от нашего взгляда
Суеверно отводят глаза,
Глаза, на которых сверкнула
Старческая слеза.
Они признают неохотно,
Покидая дворцы облаков,
Что люди, двуногие черти,
Талантливее богов.
Уходят на пенсию боги
(Небесным пора и земным),
Угрюмо уходят боги
В отставку один за другим.
...Бежали поэты от века,
От бурь его буйных, от гроз,
На лунную пристань, а проще
В трактир фантастических грез.
Казалось, баркас искусства
Посажен на лунную мель —
Романтиков старой школы
Последнюю колыбель.
И прокляли мы ренегатку,
Соблазнявшую наших друзей,
Смазливую эгу бабенку
Безжалостно сдали в музей.
Сурового трибунала
Был вывод прекрасен и прост:
— Луну отменить во имя
Пятиконечных звезд.
Ее мы забыли почти что,
И только, презрев запрет,
Лунатики и приливы
Нарушали лунный декрет.
Да и что нам луна, товарищ,
Когда мы без лишних слов
На этой земле мордовались,
Не подымая голов.
Да и что нам луна, товарищ,
Когда в голодной стране
Миллионы людей мечтали
О хлебе, а не луне.
Нужна ли луна, товарищ,
Прикроешься ль таковой,
Когда протекали в бараках
Крыши над головой?!
Мы знали: придет еще время,
А человеческий род
Второго дыханья коммуны,
Как стайер усталый, ждет.
...Куда ты рванулась, Россия
Над головами держав,
Синюю ленточку неба
Грудью своей разорвав?!
Да, мы штурмуем небо.
Штурмом достигнута цель:
Романтика старой школы —
Последняя цитадель.
Симфонии и поэмы
Луне посвящая впредь,
Он вынужден красный вымпел
Вместе с луною воспеть.
Сквозь новые признаки века
Мы старый продолжили путь,
Но стали мы все-таки лучше,
Мудрее и старше чуть-чуть.
Да, мы заметили снова
И лес, и луг, и ручей.
Луну, золотую кувшинку
На темной воде ночей.
Костер, под которым юность
Греется до зари,
Распахнутый иллюминатор
В неведомые миры.
И если б нахлынул однажды
Безумия желтый туман
И океаны на сушу
Обрушил огня океан,
То и тогда в мирозданье
Остался бы вымпел страны,
Прекрасной мечтой о братстве
На голых камнях луны.
Но этот мир безусловно
Принадлежит молодым.
Мы жить намерены долго,
И мы потому победим.
В словах и движениях наших
Спокойствие зрелых плодов.
Так что же нам скажут дети
Стареющих наших врагов?
Мы им говорим: — От безумцев
Подальше держите огонь.
Кулак в состоянии отдыха —
Раскрытая наша ладонь.
На палубе третьего класса
Мы начинали поход.
Мы нагрузили надеждой
Трюмы твои, теплоход.
Я вижу корабль, плывущий
Сквозь тысячи лет и миль,
И красный над корпусом флаг его,
И красный под корпусом киль.
Я слышу хорошую песню,
Летящую с корабля.
Ее дождалась, наконец-то,
Задумчивая Земля.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

У ВАС ДОМА...

Е. УСПЕНСКАЯ

Женатые дети... Матери женатых детей... Семьи, где дети уже выросли... Как строить эти семьи? Каковы должны быть взаимоотношения между старыми и молодыми? Все эти сложные вопросы воспитания поднимает писатель Владимир Немцов в статье «Женатые дети».

Среди ряда других фактов автор приводит и такие. У родителей и их женатых детей есть возможность разъехаться, а они не разъезжаются. Есть место в детском саду, а мать не хочет отдавать туда своего ребенка. Я думаю, что у множества людей это вызовет удивление. В самом деле, разве все семьи имеют сейчас возможность ставить перед собой эти вопросы? Ведь, несмотря на гигантский рост жилищного строительства, нужда в жилье очень велика. А место в детском саду? Мне довелось быть депутатом райсовета и вместе со своими избирательницами добиваться для них этого желанного места. Ведь, чтобы получить его, надо долго ждать, писать, ходить по инстанциям...

Значит ли все это, что В. Немцов неправ, заговорив на эти острые темы? Значит ли это, что вопросы, поставленные им, поставлены преждевременно?

На мой взгляд, нет. Ведь судьбы молодой семьи и ее детей — это судьба нашего будущего. Жилищное устройство молодоженов со временем станет государственной задачей.

Можно ли упрекать молодую мать за то, что она стремится возложить трудности воспитания ребенка на бабушку? Спору нет, в разных семьях это бывает по-разному, и зачастую молодежь действительно не прочь свалить бытовые трудности на старших. Но ведь пока у нас не хватает мест в детских садах, это и не может быть иначе. Молодая мать часто просто вынуждена переложить заботу о ребенке на бабушку, так как иначе она лишится возможности нормально работать или учиться. Как же помочь этому, как увеличить сеть садов?

Имеем ли мы вообще право строить новые дома без помещения для детского сада? Всегда ли целесообразно создавать большие детские сады на много домов или, может быть, стоит попробовать пойти по пути создания небольших детских садов на один-два дома? Туда легко отвести ребенка, в них меньшая опасность инфекции, больше возможностей уделить внимание каждому ребенку. Но, естественно, потребуется больше работников детских садов, и создание каждого детского сада стоит дорого. Может быть, стоит подумать и над тем, как бы сделать все это подешевле. Мы щедры к детям и не жалеем денег на отделку помещения, мебель, игрушки. А если быть щедрым не за государственный счет, а за счет своего труда? А если бы родители помогли детскому саду и сделали для него то, что каждый из них может сделать для собственного ребенка, — мебель, вышитые занавески, отделка комнаты. Если бы каждая семья хотя бы одну из тех игрушек, которые она дарит своему ребенку, отдала бы в детский сад, то их бы не пришлось уже включать в смету его устройства. Если бы матери по очереди помогали детскому саду в уборке, то потребовалось бы меньше людей. Не стоит ли нам призадуматься обо всем этом?

Действительно, это звучит несколько парадоксально — «женатые дети». Но ведь в жизни как бывает? Разве женатые дети перестают быть детьми?

Материальная самостоятельность необходима, бытовая тоже, но значит ли это, что родители перестали иметь детей оттого, что дети выросли и, как говорит В. Немцов, могут полностью оторвать от себя пуповину? Что же такое эта пуповина? Рубли, которые тратят родители, чтобы кормить и одевать своих детей? Духовная и кровная близость между этими людьми? Ведь только при ней старшие могут быть и друзьями, и советчиками в трудный период создания молодой семьи.

Нужно ли для этого жить вместе? Думаю, что нет. Конечно, лучше молодым предоставить полную самостоятельность. Но тесная человеческая связь с ними должна сохраниться.

Владимир Немцов в своей статье говорит об обязанностях родителей по отношению к детям. Но меня интересует и другое. Обязанности детей по отношению к родителям. У нас порой появляются фельетоны о взрослых детях, которые не заботятся даже о том, чтобы их родители имели самое необходимое. Конечно, это уродливые и патологические исключения. Я подразумеваю не материальную сторону жизни, а те не поддающиеся никакой денежной компенсации случаи, когда речь идет о тоске, одиночестве, физических трудностях. А если кто-то из родителей остается один? Всегда ли, если даже это позволяет жилплощадь, молодые имеют право оставить в одиночестве мать или отца, не позаботиться о них? Ведь одной пенсии для счастливой старости мало.

Не только материальные условия и метраж решают благополучие семьи. Мы знаем множество людей, которые, живя еще порой в очень трудных жилищных условиях, сохраняют отличные отношения, уважение к труду и отдыху друг друга. Нельзя не понять, что эти отношения требуют и от младших, и от старших большой выдержки, культуры, умения считаться с окружающими, духовной близости. А разве мы не знаем семей, уже обеспеченных жилой площадью, где отношения плохи и ненормальны? Что же мы делаем для того, чтобы внушить нашей молодежи подлинное внимание к матери и отцу, чтобы молодые члены нашего общества умели действительно по-новому, глубоко и внимательно относиться к близким?

Сначала об отце. Мы много говорим о равноправии женщины. Но на деле до сих пор значение отца в семье еще очень преуменьшено. Действительно, в первый год жизни ребенка мать физически необходима ему, а дальше? Ведь есть же у нас семьи, где отец с самого начала жизненного пути ребенка делается его воспитателем и близким другом, а порой иногда даже и более близким, чем мать. Почему же у нас все-таки бытует представление о том, что главная забота о ребенке лежит на матери?

Стало почти аксиомой, что оставивший семью отец, который платит алименты, выполняет свои отцовские обязанности. До каких же пор мы будем мерить деньгами человеческие чувства, и до каких пор человек, который выплачивает когда-то любимой женщине определенную сумму в месяц, будет иметь право называться отцом?

Что намереваются делать такие отцы при коммунизме?

Я вовсе не хочу сказать, что мужчина и женщина, связанные ребенком, обязаны оставаться друг с другом, если любовь кончилась. Такая семья не только не нужна ребенку, но, как правило, вредна ему. Но дело отца и матери — суметь сохранить дружеские, уважительные отношения между ушедшим из семьи человеком и детьми. А у нас есть и такие матери, которые, довольствуясь алиментами, мешают общению отца с ребенком, настраивают ребенка против отца и, конечно, совершают непоправимую ошибку.

За последнее время образ матери, которая балует своих детей, стал у нас почти нарицательным. Если мы читаем фельетон об испорченном молодом человеке, то этот молодой человек, как правило, может быть спокоен, ему объяснят, что впрочем-то во всем виноваты его родители. А наши книги, кинофильмы, пьесы? Как редко появляется в них мать-труженица, занятая своим делом, увлеченная своей профессией, и как часто матери-мещанки, матери, потакающие самым дурным склонностям своих детей, матери, сватающие своих дочерей.

Иногда даже педагог в присутствии ребенка позволяет себе неуважительно говорить с матерью. Мне самой пришлось быть на родительском собрании, где директор школы в лицо матери в присутствии сына и его товарищей сказал: «Мы знаем, что ваш муж алкоголик, а старший сын дефективный, позаботьтесь хотя бы о младшем». Потрясенный мальчик подбежал к матери, которая уже вся тряслась от рыданий, и стал ее успокаивать. Можно ли глубже травмировать и мать, и ребенка?

Нельзя, чтобы ребенок уважал мать один раз в году — 8 марта. Действительно, в этот день все учителя и воспитатели спохватываются и заставляют детей в быстром темпе вышивать цветы, клеить коробочки и писать матерям поздравительные записки. И, как правило, именно в этот день на страницах наших газет и журналов наконец-то появляются очерки о матерях.

Мне хотелось сказать еще несколько слов о тех женщинах, которые целиком отдают себя семье. Это большое, благодарное и важное дело. Кстати, и те бабушки, которые растят своих внуков, честное слово, не всегда портят их. В молодости человек не всегда понимает, какое чудо рождение и развитие ребенка, а проживши жизнь, может заполнить этим какой-то отрезок своей судьбы и разумно воспитать хорошего человека. Но, к сожалению, все бытовые и домашние дела пока что у нас еще очень сложны.

В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ» была опубликована статья Д. Милютиной «Поговорим о «прозе» жизни». Надо сказать, что некоторые отклики на нее были весьма ханжескими.

«Можно ли назвать проблемой уборку комнаты», «Если уж квартиру за собой не хочется убрать, то такой хозяйке целесообразно поселиться в гостинице», «Постирать... для меня удовольствие», — восклицает одна из читательниц.

Но отчего же все эти «удовольствия» день за днем съедают жизнь женщин, утомляют их, обрекают на однообразный и утомительный труд?

Нечего «мечтать об уборщицах», продолжает та же читательница. Правильно. А об уборке давайте все-таки помечтаем! Ведь и сейчас, и в будущем нам придется убирать и детские сады, и учреждения, и театральные здания. Мало того, нам придется убирать и вокзалы, куда наносят грязь с улицы, и магазины, и сами улицы, потому что, между прочим, дождь и снег будут идти даже и при коммунизме. А заодно придется убирать и свои квартиры.

Как же их убирать и кто это будет делать? В самом деле, чем дальше развивается наша страна, тем меньше найдется желающих на однообразную, физически трудную работу уборщицы. И мне кажется, что вопросы быта, так же как и множество других вопросов, мы можем решать только в соответствии с развитием нашего строя, и именно нашего строя. И думать об этом нам нужно начинать не завтра, а сегодня.

Если мы допускаем что женщина может доверить самую святую свою обязанность — воспитание детей — работникам яслей и детского сада, если мы допускаем, что женщина может доверить питание своей семьи специалистам — работникам столовых, то почему же мы не можем допустить, что следует организовать также и стирку белья, и уборку квартиры?

Но в связи с этим возникнут новые требования и к нашим архитекторам, и к инженерам, которые занимаются созданием бытовых приборов, и к системе воспитания наших детей.

Говорят о неплохой механизации домашнего хозяйства в Америке. Естественно, что там изобретатели пошли по пути создания только индивидуальных бытовых приборов. Правилен ли этот путь для нас? Не следует ли нам, заглядывая вперед, просить наших инженеров обратить внимание на более мощные, совершенные приборы, которые будут служить сразу многим людям. И пользоваться ими смогут уже, в сущности, не уборщицы, а техники.

Но чистота в квартире — это не только приборы для уборки. Это вся квартира. Это ее стены, либо с обоями, либо с красками, удобными для мытья, это легко стирающиеся шторы, это гигиеничная мебель и, конечно же, это человеческая привычка к минимуму только самых необходимых вещей.

И, наконец, кто же и как будет работать в наших детских садах, в столовых, на уборке? Все ли работники должны быть профессионалами или им на помощь должны прийти многие и многие граждане нашей страны? Не встанем ли мы в конце концов перед тем, что самые тяжелые работы по уборке, например, должны действительно делиться поровну между всеми теми людьми, которые имеют к этому физические возможности, и что этот тяжелый труд станет поистине общим трудом?

Может быть, постановка таких вопросов кажется преждевременной?

Но закон нашей страны — мечтать сегодня о завтрашнем дне.

Как облегчить быт? Этот вопрос мы затрагиваем без конца. К сожалению, многие учреждения, призванные помогать людям в быту, пока еще зачастую компрометируют эту высокую обязанность.

Но это — те трудности, которые надо побеждать повседневно.

Коммунизм начинается не с речи на трибуне. Он начинается в том доме, в котором вырос человек. Нужно ли нам в наших школах учить девочек тому домоводству, которому мы учим их сейчас, кстати, почему только девочек? Чего мы хотим от наших дочерей? Того, чтобы они вели индивидуальное домашнее хозяйство и умели сдать тот изящный экзамен на домашнюю хозяйку и жену, который мы не раз видели в итальянских кинофильмах, или же для того, чтобы наша женщина была полноправным и полезным участником жизни страны и могла участвовать в работе тех общественных организаций, которым предстоит обслуживать быт. Не целесообразнее ли будет в таком случае за время учения в школе создавать специализированные группы кулинаров, помощников воспитателей в детских садах, техников по уборке и для работы в прачечных?

Не стоит ли нам уже сейчас создать несколько домов молодоженов, построенных по какому-то новому коллективному, продуманному самими новыми жильцами этого дома принципу, с коллективной столовой, прачечной, детсадом?

Но меня спросят: а где же тогда домашний уют? А что же такое домашний уют в нашем понимании? Муж, который читает газету в то время, пока жена стирает, или жена, которая правит тетради учеников в то время, когда муж бегает за покупками? Или домашний уют — это духовная близость в семье? Домашние праздники, когда хозяйка дома испечет любимый пирог, а дочь вышьет зачавески на окна, когда женщина, которая любит шить, с удовольствием и не торопясь смастерит праздничное платье для себя или для дочери? До каких пор в ста квартирах одного и того же дома одновременно будут вариться супы, и являются ли эти разные супы символом нашего семейного уюта?

Трудно ломать привычное, устоявшееся, и если мы вспомним сейчас, то первые детские сады встречались с большим недоверием, а сейчас наши женщины спокойно отводят в них своих детей, а потом, как это ни досадно, тратят время, чтобы приготовить нехитрый обед, который так просто было бы приобрести в столовой, если бы его готовили вкусно, разнообразно, по-домашнему. Что же мы хотим сохранить для себя из домашнего уюта и что мы должны делать сообща, чтобы те свободные дни и часы для рабочих и служащих, за которые борется сейчас наше государство, были радостны и богаты? Если подумать, сколько часов, истраченных на супы, могли бы быть отданы нашим женатым и неженатым детям!

Танцами завершается любое собрание взрослых.

Народные торжества в честь поэта

Как большой всенародный праздник культуры, отметил грузинский народ 120-летие со дня рождения выдающегося поэта Акакия Церетели — пламенного глашатая прогрессивных социальных идей своего времени.

На предприятиях и в учреждениях, в колхозах, совхозах, учебных заведениях проведены литературные вечера, лекции, беседы, научные сессии, посвященные памяти Акакия Церетели.

Большие народные торжества, в которых принимали участие свыше 20 тысяч человек, состоялись на родине писателя — в Сачхерском районе. В районном центре открыт памятник Акакию Церетели.

В Тбилиси проведен юбилейный вечер. Его открыл секретарь правления Союза писателей Грузии И. Абашидзе.

С докладом о жизни и творчестве Акакия Церетели выступил секретарь ЦК КП Грузии Г. Джибладзе.

В торжествах принимали участие гости из союзных республик, индийский профессор Дж. Литтон.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

И было во всем этом что-то напоминающее торжественное обещание Тришечкина с трибуны: «выполним с честью, как полагается», и чудилась за ним какая-то Тришечкина подспудная мысль...

Я РЕШИЛА проверить себя и осталась в районе еще на денек, чтобы спокойно, по душам поговорить с Зерновым.

Но откровенного разговора как-то не получилось. Василий Григорьевич ходил вокруг да около («с одной стороны», «с другой стороны»), вместо ожидаемых мною признаний совал мне какие-то сводки с очень приличными процентами, какие-то старые газеты, в которых Морозовский район назывался лучшим в области.

И вдруг присутствовавший при нашей беседе второй секретарь райкома, молодой еще человек, в недавнем прошлом комсомольский работник на флоте, настоящая «морская душа», с горячностью воскликнул:

— Да хватит тебе осторожничать! Выкладывай все наши болячки. Ну, и пусть напечатает, пусть ославит на весь Союз. А может, из этого и польза какая-нибудь будет району, народу, делу...

И тут Зернова словно прорвало. Куда девалась его воспитанная годами, приобретенная опытом сдержанность и невозмутимость? Передо мной был живой человек с сердечным волнением, заботой, обидой, болью

— Газеты! — быстро заговорил он. — Помню я все эти заголовки, как таблицу умножения помню. Они у меня не тут (он указал на щеку), а тут (он ткнул себе в грудь, где сердце), эти пощечины, отпечатаны. Конечно, много шумихи, конечно, не выполняем обязательства, а кто-нибудь из той же областной газеты попытался вникнуть: почему? Сравнивают нас с соседними районами, говорят — в одинаковых климатических условиях находимся. А разве один только климат играет роль? У меня в районе солончаки — у соседа их нет. Разница? Разница! У меня ни одной реки, я скоту питьевую воду цистернами вожу, а у соседа пять речек район пересекают. Разница? Разница! Наш район вдоль и поперек пройди — камешка, чтобы в ворону бросить, не найдешь, а у соседа каменные карьеры, он и фермы, и жилые дома, и клубы из своих даровых материалов строит. Разница? Разница! У соседа государственная электрическая линия проходит, дешевая энергия на фермах, на токах, в мастерских, а у меня не то что на механизацию — дома осветить сил не хватает. Разница? Разница! И, наконец, — у соседа при тех же примерно площадях количество трудоспособных вдвое больше, чем у меня. Это тоже разница? А кто с нею считается? Я, может, на душу населения в два-три раза больше продукции произвожу, чем кое-кто другой, а ко мне с той же стандартной меркой подходят: на сто гектаров. Да разве ж эти гектары без рабочих рук и без техники заставишь давать все, на что они способны? Вот вам Тришечкин о кукурузе говорил. Да, мы могли бы обойтись двадцатью шестью тысячами гектаров и все наше стадо вот так, под завязку было бы обеспечено, а мы сеем на десять тысяч гектаров больше. Чтобы обработать эти посевы, как положено, два раза в двух направлениях, мы должны иметь выработку 1 600 гектаров на пропашной трактор, а где это видано? И мы, конечно, не обрабатываем кукурузу как следует и получаем зеленой массы каких-нибудь пятьдесят центнеров с гектара, а зерна почти совсем не видим. Притом не успеваем убирать урожай, оставляем его под снегом... Тракторы? Вот, пожалуйста, наша переписка с областью — ни черта нам не дают. Запчасти — такая же картина...

Вспомнив неоконченный разговор с начальником районной инспекции, я перебила Зернова:

— Извините, а кто же вас заставляет замахиваться сверх силы?

— Кто? — Зернов запнулся, посмотрел с укором на второго секретаря («ну и втравил ты меня в историю»), потом решительно мотнул головой («была — не была!») и ответил: — Самолюбие: как бы хуже других не выглядеть. Ну и... область тоже должна иметь хорошие показатели. А от кого показатели зависят? От нас. В 1958 году мы с мясом выскочили, — думаете, потому, что вырастили много скота? Ничего подобного! Выручали себя и область! И до того «довыручали», что в первом квартале нового года сдавать стало нечего. Опять очутились в отстающих.

Зернов стукнул кулаком по столу, сдержал готовое сорваться горячее словечко.

...Признаюсь, когда Василий Григорьевич начал свою «исповедь», я слушала его с некоторым предубеждением и настороженностью, думая про себя: знаем, слышали, не один раз слышали такие патетические тирады! Но по мере того, как Зернов говорил, я видела его несколько иным, чем вначале.

Разве не прав Василий Григорьевич, настаивая на том, чтобы учитывались конкретные условия района, которым он руководит? И наконец, разве не доходит до сердца его взволнованное признание в том, что во имя «показателя», во славу района и области, но вопреки точному расчету он и иные районные руководители ставят себя подчас в весьма незавидное положение?

Так, может быть, в том, что говорили мне Тришечкин, Косов, Зернов, следует серьезно разобраться?

Морозовский район
Ростовская область

Новости литературы и искусства

Дневники Бориса Полевого * Новый роман Митчела Уилсона * *На сценах театров миниатюр*

НА ПУЛЬСЕ ЖИЗНИ

ПЕРЕД нами новые дневники Бориса Полевого, писателя особой, завидной судьбы: сегодня он работает как корреспондент в родном Калинине или в Вышнем Волочке, «открывает» народу жизнь Валентины Гагановой, рассказывая на листе «Правды» историю подвига этой замечательной женщины, а завтра по мандату газеты он вылетает в Южную Америку, в места новые и для него, и для миллионов его читателей...

Я всегда с жадным интересом читаю Полевого — ведь в записях этого «неистового корреспондента» раскрывается стремительный темп нашей жизни, широкий мир нашего современника. С Полевым интересно путешествовать. Человек ищущий, владеющий острым глазом художника, он говорит своим друзьям-товарищам: «Сколько нового, увлекательного, в бесконечном своем разнообразии, несет для тебя каждый прожитый день. Радостные открытия ждут всюду, независимо от того, находишься ли ты близко или далеко от родных мест». Ему знакомо то поистине радостное и тревожное чувство, которое мы называем чувством нового. Вот это многообразие встреч пронизывает нынешние дневниковые записи Бориса Полевого.

В Аргентине он встречается и знакомит нас, своих читателей, с женщиной поразительной судьбы — Марией Роса Оливер. Прикованная к креслу, запертая в четырех стенах своего дома, Мария Роса сражается за мир. Полевой описывает нам ее жизнь, он рассказывает сжато, выделяя наиболее яркие подробности биографии этого прекрасного человека.

Автор ведет нас по земному шару от встречи к встрече, от человека к человеку. Иногда он в своих записях выделяет одну какую-то жизненную черточку, помогающую нам лучше понять судьбу человека.

И вот что еще отличает записи Полевого: это не просто дневники описательного жанра, это записи писателя-бойца, который борется за мир. В Буэнос-Айресе Полевой читает лекцию в университете о советской литературе. «Лекция в университете! При этих словах воображение рисует светлый зал, скамьи амфитеатром, приподнятую кафедру, на которой стакан остывающего чая... Как бы не так!» Все бушует в университетском зале, обширное фойе и коридоры заполнены бурлящей молодежью. Это была не просто академическая лекция, это был идеологический бой, и Полевой повел наступление с помощью книг советских писателей. Эпизод с лекцией читается с захватывающим интересом.

В румынских записях наибольший интерес вызывают размышления о путях искусства. Автор много видел, ему есть что вспомнить, и поэтому отступление к дням Отечественной войны или рассказ о скульпторе Вере Мухиной придают дневникам объемную зримость. Отлично выписан портрет Веры Игнатьевны Мухиной — художника большого и впечатлительного, глубоко принципиального и, как пишет Полевой, в этой принципиальности своей весьма сердитого и непримиримого. В делах искусства, говорит автор, Вера Игнатьевна никому не давала потачки и, не щадя «чинов и званий», атаковала в творческих спорах тех из своих коллег, которые отодвигали на второй план человеческий образ, идею...

Вот она делает доклад в Бухаресте — это было сразу же после окончания войны. Странички доклада она склеила в виде папируса. «...Мухина на трибуне. Оседлав очками свой короткий горбатый нос, она скороговоркой читает доклад, едва давая переводчику возможность переводить его на румынский. И вдруг, рассуждая о тенденциях современного искусства, о настроении художников и скульпторов, она резко сдернула очки, отложила свой папирус в сторону и, соскочив с академических рельсов, пошла, как говорится, по шпалам». Мухина воевала за подлинные традиции и настоящее новаторство в искусстве.

Полевой ведет нас по дорогам Пензенской области. Встречи с рабочими и колхозниками. Тонко выписанные пейзажи. Сегодняшний день пензенской земли, которая когда-то считалась самой «лапотной» в России.

Записи в дневниках насыщены деловитостью, овеянной романтикой жизни. В Братске на Ангаре писатель-корреспондент встретился с А. Т. Твардовским, который опередил своих собратьев-газетчиков. Короткая беседа, полная веселой шутливости.

Одна страничка дневника дает живое представление об оперативной работе корреспондента. На Ангару в самый горячий день — день перекрытия — из Москвы пришло по телеграфу задание: срочно передать полосу, посвященную только что свершившемуся, со стихами Твардовского, с рисунком Верейского. В распоряжении Полевого и его товарищей — пять часов.

«Мы беремся за дело, — рассказывает Полевой. — Как делаются спешные газетные страницы, описать невозможно. Но накал событий так велик, этот день, проденный для нас на целые пять часов, так насыщен впечатлениями, что, когда на тайгу, золотя верхушки лиственниц, легли последние косые лучи, Н. П. Печерский кричал в телефонную трубку, а я для верности дублировал по телеграфу строки только что рожденного стихотворения Александра Твардовского:

...Недвижны тяжкие ворота,
За ними плес плененных вод.
Умолкла битва, но работа
Вступает в новый свой черед.

Это был гвоздевой и последний материал в страницу. Задание редакции мы выполнили».

Еще одна встреча там же, на Ангаре, — с американским бизнесменом Гарриманом. Гарриман прилетел сюда из страны-антипода и стал свидетелем строительного подвига русских людей. Что должен думать этот человек о радушии и дружелюбии советских строителей, обращенных к нему, американцу? Быть может, Гарриман вспомнил тут, в Братске, высказывания тех американских политиков, которые объявляют живущих созиданием советских людей потенциальными военными противниками?..

Борис Полевой обладает прекрасным даром приближать к нам и далекую южноамериканскую пампу, и нашу Сибирь с ее могучими реками. Эти резкие, стремительные переходы: из аргентинской степи, поражающей своим однообразием, — к сибирской реке Ангаре, на берегах которой сейчас ключом бьет жизнь, из мастерской старого румынского художника Карнелиу Баба — в пензенский колхоз «Заря коммунизма», рисуют не только географию путешествий, но и в какой-то степени горячую натуру писателя-корреспондента, всегда находящегося в боевой готовности. Впрочем, и сам Полевой говорит в своих записях, что он газетчик «до мозга костей», «Люблю журналистскую работу, позволяющую литератору постоянно держать руку на пульсе жизни».

Мы закрываем последние странички дневников и вместе с автором записей радостно говорим:

«В интереснейшее время живем мы, товарищи!»

Б. ГАЛИН

Б. Полевой. «Близко и далеко». «Советский писатель». 1960.

КОРОТКО О КНИГАХ

«О нашей жизни романа не напишешь», — говорит герой повести А. Письменного *«Две тысячи метров над уровнем моря»*. Но повесть написана, в ней рассказывается о метеорологах, живущих на маленькой высокогорной станции. Автор создал запоминающиеся образы простых людей, честно делающих свое дело.

Повесть вышла в издательстве «Советский писатель».

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

В ШИРОКУЮ дискуссию о преподавании литературы в школе, которая идет сейчас всюду, вмешался и Ленинградский театр миниатюр. Свое слово он сказал по-своему. Вот юноши и девушки пришли на экзамен в институт. Восторженно, наивно, горячо говорят они о Пушкине, Маяковском, Есенине. Но профессора в академической ермолке не разует столь яркое разнообразие суждений и взглядов. Его смущает отсутствие системы у будущих педагогов...

Проходят годы — восторженная юность овладела, наконец, литературоведческой системой. И вот в разных городах встали на кафедры питомцы института и дружно, как бы хором, скандируют одно и то же — писатель «показал», «отобразил», «развил» и т. д. Обрели студенты систему, но забыли все живые, все трепетные слова о поэзии, ее образах, чувствах, ее очаровании. А ведь так бывает, это правда — пусть она горька, пусть доведена до шаржа!

Есть явления, как и люди, будто созданные для шаржей и карикатур. Они — драгоценная находка для сатириков и юмористов, но только в том случае, когда авторы умеют ими распорядиться, когда сгущение красок вызвано жаждой преобразования дурного, запальчивым гражданским темпераментом. А он ощущается почти во всех миниатюрах нового спектакля «От двух до пятидесяти». Уже само название — смелая декларация. От начала человеческой жизни и до преклонного возраста, объявляет театр, можно перевоспитывать человека, сеять в его душе добрые семена. Но с каждым годом делать это все труднее. И тот, кто не желает отстать от времени, должен понять, — сложнее и богаче стал духовный мир советских людей, и обычным шаржем, надевкой гротеска, буффонадой — ударом наотмашь не всегда можно действовать. Пусть звучат все струны — вот какой девиз у спектакля. Поэтому пролог, например, лирический.

Современны ли все эти жанровые сцены? Очень. Они кажутся списанными с натуры. Я самый яростный и непримиримый враг юмора выдуманного и не могу не порадоваться той отзывчивости ко времени в нашему сегодняшнему быту, в общественной жизни, которая особенно ярко проявилась в виде миниатюр, которые исполняет сам Аркадий Райкин — не только художественный руководитель, но душа и слава театра. Когда смотришь миниатюру «Борьба с проклятой» в его исполнении, кажется — автор не раз сидел на скамеечках сходках и подглядел, как нередко еще выступают на потеху всем присутствующим селянам вот такие хитроватые мужички «себе на уме». Он вроде бы и обличает всех самозванцев, но дрожат его руки, замирает голос, блестят глаза, и невольно глазным призывом речь звучит: истребим проклятую... выпьем!

А вот «Поезд жизни» — три разных места в вагоне занимает в течение считанных минут Райкин, и мы видим во весь рост трех искателей счастья. И я, только что возвратившийся из Красноярского края, снова узнаю знакомые черты. И вот таких «героев» вместе с миллионами истинных энтузиастов занесло в далекую Сибирь...

Неустанно ищет новое Райкин, мы видим плоды его трудолюбия, вероятно, оно и породило ту яростную ненависть к бездельникам, тунеядцам, равнодушным чинушам, которые беспощадно выставлены им на осмеяние в спектакле. Достойные партнеры Райкина — актеры театра, чьи работы — сами по себе превосходные, полные глубокого смысла миниатюры, такие, как Иголкина (О. Малоземова), профессор (Г. Новиков), девицы-стиляги (В. Горшенина и И. Петрущенко), работница милиции (Р. Рома).

Я всегда дивлюсь, как хватает сил Аркадию Райкину выдерживать такую громадную нагрузку: играть, ставить спектакли, создавать репертуар, неустанно отыскивая новое. Но секрет молодости Райкина и его театра открыть нетрудно. Смело, не боясь риска, он привлек к созданию новой программы молодых авторов: М. Гиндина, К. Рыжова, Г. Рябкина, молодого режиссера Н. Бирмана. А они не только принесли на сцену новый жизненный материал, живые зарисовки с натуры, но и дали возможность по-новому проявиться опыту и зрелости мастеров в приятном соседстве со свежестью и молодостью веселых, озорных талантов. Вот почему спектакль так живо отзывается на многие волнующие всех нас вопросы жизни.

В. СУХАРЕВИЧ

Аркадий Райкин в спектакле «От двух до пятидесяти» Фото А. Князева

ВЕСЕЛЫЙ ТЕАТР

Писать рецензии на спектакль веселого театра не очень весело. Во-первых, еще не выработался шаблон подобных рецензий, что отнимает у рецензента много времени на излишние размышления. Во-вторых, веселых театров чрезвычайно мало, и совершенно непонятно, хорошо это или плохо.

Но писать надо, с этим ничего не поделаешь. Писать надо хотя бы потому, что Московский новый театр миниатюр, о котором идет речь, содержит в своем названии слово «новый», что само по себе не может не вызвать энтузиазма.

Хорошо ли новому театру?

Ему хорошо. Он собирает полный зал, и даже рецензентам нужно записываться на контрамарку заранее.

В связи с тем, что веселых театров мало, нет и классификации их по жанрам. А между тем вторая программа Московского нового театра миниатюр, сокращенно МНТМ, подчеркивает, что разделение на жанры уже происходит.

Мне кажется, это театр гротеска. Что такое гротеск, пожалуй, никто не знает, и я не знаю тоже. Но я не профессиональный театровед, и поэтому мне легче о нем писать.

Гротеск — это преувеличение, доведенное до абсурда. Скажем, когда человек поднял забытую сумочку и вернул владелице — это обычное движение души. Но когда об этом обычном движении души какая-нибудь газета напишет, как о благородном подвиге, — это неприятный намек на то, что человечество все еще не уяснило себе, что отдавать сумочки благороднее, чем не отдавать, а газета уже уяснила. Когда же справляется юбилей такого выдающегося героизма, — это уже гротеск.

Так вот МНТМ справлял юбилей такого героизма. На сцене сидел самодовольный, глупый, захваленный ретивыми дураками взрослый мужчина и принимал поздравления в том, что десять лет назад он не украл сумочки.

Конечно, в жизни таких юбилеев не бывает. А впрочем, разве нет в жизни специалистов, делающих из мухи слона? И в жизни есть гротеск.

Эта и некоторые другие миниатюры сделаны очень весело, смело, как говорится, наотмашь. Они представляют собою как бы увеличительное стекло, сквозь которое зритель пристально рассматривает различные житейские мерзости.

Но мне кажется, что нужно остановиться на другой группе миниатюр. Это серия «Новая ревизия «Ревизора».

МНТМ показывает, как бы поставили «Ревизора» различные театры, оперетта, балет и цирк. И тут выясняется, как разнообразна пошлость. Для того, чтобы показать сцену вранья Хлестакова в опереточных традициях, не пришлось даже переписывать текста. То, над чем издевался Гоголь, — лирические излияния Хлестакова, Марьи Антоновны, Анны Андреевны являются подлинными выражениями чувств опереточных героев. Оказывается, что пустота хорошего Хлестакова — это серьезность плохой оперетты.

Хлестаков в пейзанском наряде, Хлестаков на манеже цирка — все это в очень смешном свете показывает старые, законсервированные каноны, которые иногда, в некоторых случаях, все еще бытуют на сцене.

И это тоже гротеск.

Мне кажется, что новизна нового театра именно в том, что это театр гротеска, которому пора бы уже появиться на свет.

Между прочим, это подчеркивается самим театром и особенно в неудачных миниатюрах. Назидательность — враг смешного. И когда после яркой интермедии или миниатюры артист вдруг начинает на полном серьезе растолковывать зрителю, что дважды два — четыре, становится не смешно, а совсем наоборот.

Необходимо сказать об актерах. В самом начале программы, когда актеры, представляются зрителю и показывают, как говорится, кто во что горазд, — выясняется, что это горячие энтузиасты своего дела. Они молоды, неутомимы, привлекательны и хорошо чувствуют, что от них требуется. А требуется от них многое. Моментальное перевоплощение, максимальная занятость в спектакле. И они отвечают этим требованиям с удовольствием. И Корецкий, и Иванова, и Деранков, и Ширяев, и Полбенцева, и Вахмистрова (я ловлю себя на том, что зря стал перечислять фамилии — всех не перечислишь, а актеры честолюбивы, рассчитывают только на чувство юмора веселых актеров).

Художественный руководитель театра Владимир Поляков — писатель, хорошо знающий эстраду, и эстрадник, понимающий литературу. Он собрал хороший коллектив.

Не хочется говорить о недостатках театра потому, что он еще молод, а кто в молодости без недостатков? Театр есть, и это хорошо. Театр веселый — это еще лучше.

Л. ЛИХОДЕЕВ

СВОЕЙ ТРОПИНКОЙ

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ в «Известиях», «Литературной газете», «Литературе и жизни», «Московской правде», в детской и юношеской печати стали появляться короткие рассказы Виктора Тельпугова.

В. Тельпугов не новичок в литературе: в течение ряда лет он активно работает как критик. В своих статьях по вопросам поэзии критик стремится доискаться до глубинных родников мастерства, раскрыть, где и в чем сила писателя, где и в чем секрет его успеха, причина поражения. И вот что особенно ценно — критик порой выступает как художник в самом прямом смысле этого слова. В его книге «Алексей Недогонов» мы встречали целые страницы, написанные «чистой прозой», пером, свободным и раскованным.

«...Недогонов часто говорил, что он видит поэзию даже во сне — то в образе девушки, у которой многие просят руки, но не получают в ответ и небрежного взгляда, то в виде птицы, у которой «каждое перо может стать крылом». А однажды перед тем как прочесть нам свое новое стихотворение, он сказал, что поэзия для него — это сказочное дерево: на нем всякий раз вырастают плоды, которых еще никто не видел!»

Не знаю, «вспомнил» это Тельпугов или «так уж оно написалось», но это очень хорошо — и по языку, и по мысли. Такое убеждает: обращение критика к прозе не случайно!

Чистый русский язык, живые повороты образной мысли радуют нас и в рассказах Тельпугова. Они посвящены разным событиям, повествуют о людях разных характеров, рисуют картины родной природы. Рассказы эти коротки, иногда предельно сжаты и производят подчас впечатление беглых зарисовок. Но вчитываешься — и видишь: за каждой миниатюрой стоит человек, который знает и видит многое и о многом умеет в нескольких штрихах рассказать так, что перед тобой откроется целый мир красок, оттенков, звуков, а главное — ты заглянешь в человеческие сердца. О чем бы ни говорил рассказчик — об узкой лесной тропинке, которую протоптали ребята, бегущие в школу, о ночных огнях студенческого общежития, об автобусе, внутри которого все «жужжит, звенит, шелестит страницами, все будто готовится к какому-то большому полету», — перед тобой по капельке, по черточке возникают люди новых судеб, люди, шагающие в завтра.

Подкупает и то, какими средствами это достигается. Разговор ведется от первого лица, и вы постепенно становитесь непосредственными участниками этого разговора. Вам хочется ответить на вопрос рассказчика, подать реплику, взглянуть на места, описанные в рассказах, увидеть могучее дерево, выросшее на месте фашистского концентрационного лагеря («Тополь»), деревню — соседку великой стройки («Есть такая деревня»), сад, поднявшийся от тепла человеческих рук («Сад»). И познакомиться с людьми — с норвежской комсомолкой, пишущей письма в Москву («Герта»), с бухгалтером завода, бывшим участником Великой Отечественной войны, ныне ветераном труда («День рождения»), и даже со случайным прохожим, заботливо укачивающим у входа в магазин кем-то оставленного ребенка («Колыбельная»). Интересны рассказы Тельпугова о писателях (Горьком, Фадееве, Маршаке Недогонове), художниках, журналистах.

Разговор читателя с автором располагает к себе своим лиризмом. Даже обычная пейзажная зарисовка у него исполнена большого внутреннего смысла.

«...В лесу человеку... легче, вольготнее дышится. Еще бы! У меня, например, как только я попадаю в лес, веселее становится на душе. Тверже и уверенней ступаешь по земле, способной родить и растить таких богатырей и красавцев! Многим из них предстоит в жизни выйти в большое плавание, вынести бури и беды, поднять еще выше флаги родной страны, пронести по многим морям и океанам ее паруса и сигнальные огни... Я отчетливо слышу, как гремят якорные цепи, как поскрипывают тугие канаты лебедок, как тяжело трутся друг о друга выпуклые, просмоленные борта судов всех размеров и классов, как по трапам закатывают на них последние бочки с пресной водой»...

Как это емко написано! Рассказано о лесе, а читаешь о людях, о целом народе, о нас с вами — о нашем труде и о наших думах.

Иногда В. Тельпугов не удерживается на этом хорошем уровне, впадает в описательность, утрачивает лирическую интонацию (об этом свидетельствуют, например, зарисовки «Москва праздничная», «Вечерняя поверка»). Но в целом он стоит на верном, интересном пути. У него ясно наметилась своя, «нехоженая» тропинка.

Сергей БАРУЗДИН

КОРОТКО О КНИГАХ

Книга нашего известного поэта-сатирика Сергея Швецова издана Гослитиздатом. Называется она «Разрешите побеспокоить!». В книге помещены стихи на международные темы, темы внутренние, а также стихи и эпиграммы, посвященные «делам литературным».

**

Книга «Руставели и фольклор» Иосифа Мегрелидзе анализирует грузинское народное творчество, отразившее замечательное творение поэта и жизнь самого Руставели. Книга, в которой собрано много ценных сведений, выпущена в свет издательством «Сабчота Сакартвело» в городе Тбилиси.

Митчел УИЛСОН

Встреча на далеком меридиане

Новый роман Митчела Уилсона, отрывок из которого мы печатаем, называется «Встреча на далеком меридиане». Как и в прежних книгах писателя («Жизнь во мгле», «Брат мой — враг мой»), действие развертывается в научной среде. На этот раз, однако, героями романа являются не только американские, но и советские ученые. Уилсон несколько раз бывал в Советском Союзе, и личные впечатления легли в основу его новой книги.

Главное действующее лицо — американец Ник Реннет, крупный специалист в области атомной физики. Поняв до конца, чем угрожает человечеству атомная бомба, Реннет переживает острый кризис.

Именно в таком подавленном настроении он отправляется в СССР. «Встреча на далеком меридиане» с советскими учеными, мирный и вдохновенный труд советского народа, спокойная уверенность, с которой советские люди смотрят в будущее, производят на Реннета большое впечатление. Он решительно отказывается служить «науке разрушения» и готов отдать всего себя «науке созидания».

Полностью «Встреча на далеком меридиане» Митчела Уилсона начнет печататься в первом номере журнала «Иностранная литература» за 1961 год в переводе И. Гуровой, Н. Дегтяревой и Н. Треневой.

ОН ЕХАЛ домой в весенних сумерках, густых, прозрачных и тяжелых, как мед; он несся сквозь неподвижно висевшие в воздухе облака ароматов — травы, свежих цветов и земли. И пока он ехал, его не покидало ощущение близящихся магических перемен, и от этого он особенно остро воспринимал лучи заходящего солнца и яркую синеву дня, сохранившуюся только в зените, и стелющиеся по земле тени платанов и белых домов, уже ставшие длинными, темными и прохладными.

Он вел машину с веселой энергией, слившись с ней воедино и наслаждаясь своим умением. Он поставил автомобиль в гараж, и тупой стук боковой двери, через которую он вышел, был единственным тугим комком звука, упавшим в сонную тишину окаймленной деревьями улицы.

Но когда он вошел в дом, там тишины не было: Мэрион приехала раньше него и теперь хлопотала в кухне. Он слышал как она открывала и закрывала дверцы буфета, исследуя запасы, и слышал тяжелое металлическое постукивание полных банок, которые она передвигала, чтобы прочесть этикетки. Он открыл дверь и несколько секунд молча наблюдал, как она шарит по полкам. На ней было черное платье с узким лифом, очень глубоким вырезом и высоким воротничком. Ее волосы были зачесаны со лба и уложены высоко на голове, открывая белую шею. В своем возбужденном настроении он никак не мог представить себе ее в рабочем кабинете рядом с пишущими машинками и диктофонами. Казалось, она принадлежит более изысканному, более официальному, более богатому миру, чем он думал прежде. Он попытался увидеть ее такой, какой она была всегда, — в свитере, суконной юбке, с деловитыми часиками на запястье, но джин ее женственности уже вырвался из бутылки, и загнать его назад было невозможно. Она была там, где он так отчаянно нуждался в ней, и именно тогда, когда он в ней нуждался.

— Добрый вечер, — сказал он. — Я не заметил вашего автомобиля.

Его неожиданное появление так испугало Мэрион, что жестянка, которую она держала, вырвалась из ее ослабевшей руки и упала с глухим стуком. Бледность разлилась по ее лицу, шея и грудь пошли розовыми пятнами. Ее волнение, бездонность ее прозрачных мелящих глаз, неотрывно устремленных на него, заставили его остро почувствовать, что они совсем одни, что безмолвие дома и густое спокойствие еле слышного тиканья часов окружают их, как стена тайны окружает остров свободы. Он безотчетно сознавал, что может подойти к ней, не сказав ни слова, и она, не сопротивляясь, окажется в его объятиях, но спросил только:

— Как вы добрались сюда?

— Меня привез муж, — ответила она так же тихо.

— А почему он уехал? Я думал, что он останется.

Она на секунду отвела глаза.

— Я говорила, чтобы он остался, — ответила она, и он понял, что ее слова означают: «Я знала, что так случится, и хотела, чтобы он был здесь и помешал нам!» — Я сказала ему, что вы будете рады, — продолжала она, и ее голос вдруг утратил всякое выражение. — А он сказал, что мне, конечно, можно встречаться с русскими, поскольку этого требует моя работа, а ему незачем совать свою голову в петлю.

— Совать свою голову в петлю? — неожиданно резко спросил Ник.

— Совать свою голову в петлю, — повторила она тем же нарочито бесцветным голосом, словно желая скрыть свое отношение к этому. — Во времена расследований на его факультете уволили несколько человек, и он до сих пор боится.

Губы Ника сжались, но он спросил только:

— Он заедет за вами?

Она снова опустила глаза и тем же бесцветным голосом повторила слова, которыми ее муж бесстыдно признался в своей слабости:

— Он решил, что будет лучше, если домой меня отвезете вы. Таким образом, если этим когда-нибудь заинтересуются, он сможет ответить, что никогда их не видел.

— Если этим заинтересуются, — повторил за нею Ник, не в силах скрыть ледяное презрение и гнев, которые вызывали в нем люди, живущие под гнетом страха, и люди, заставляющие бояться других. — Значит, он собирается до конца своей жизни прятаться по углам, ожидая, что это время снова вернется? Оно прошло, и мы можем только стыдиться, что допустили такое. Но вот что, Мэрион, — добавил он резко, — если вам почему-либо неприятно встречаться с этими людьми, я обойдусь без вас. Я хочу, чтобы это было совершенно ясно. Вы вовсе не обязаны здесь оставаться.

Она поглядела на него с удивлением.

— Но разве я здесь не потому, что это нужно институту?

— Неважно. Где ваше пальто и шляпа? Я сейчас же отвезу вас домой. Я не выношу, когда люди боятся, а уж если я сам тому причиной — это еще хуже. Идемте.

— Но я не хочу уходить. Я не боюсь. С какой стати мне бояться?

— Ваш муж боится.

— Ну и пусть. — сказала она с силой. — Миллионы людей боятся. Может быть, дни расследований и истерии действительно прошли, но никто особенно не рвется встречаться с русскими или приглашать их к себе, если на то нет какой-нибудь веской причины. Люди запуганы. Такие времена, только и всего. И чем эти люди отличаются от русских, все еще предпочитающих не встречаться с нами, когда мы едем туда? Притворяться, что это не так, — значит убаюкивать себя сказками. Я хочу остаться, — повторила она. — Я хочу сегодня вечером быть с вами, помогать вам, быть у вас хозяйкой — как угодно! Боюсь? Я настолько не боюсь, что просто нет слов, чтобы это выразить! Я так долго ждала возможности побывать здесь! И кроме того, я уже накрыла на стол, а вы даже не выразили желания посмотреть!

Он взглянул в ее умоляющие глаза. Нет, в них не было подлого страха. Она просила только возможности доказать, что она не трусит. Его гнев исчез, и он понял, что восхищается ею. Он засмеялся.

— Хорошо, — сказал он, — идемте в столовую и покажите мне, что вы там устроили, а потом выпьем, пока будем ждать...

Ее лицо сразу просветлело.

— Послушайте, что я купила, — сказала она, неожиданно напомнив ему, что он уже очень давно не слышал, как женщина с энтузиазмом говорит о блюдах, которые она приготовила. — Я зашла на славянский факультет в университете и спросила, что русские едят за ужином. И, зажавши список в потный кулачок, бросилась по магазинам.

Говоря это, она прошла мимо него в столовую, и в этот миг ощущение близости между ними было таким теплым и живым, что он понял — оно сохранится независимо от того, что они уже сказали до сих пор или еще скажут.

Она где-то отыскала белую скатерть и постелила ее на стол, а на скатерть поставила невысокую вазочку с цветами и тарелки с копченой лососиной, осетриной, ветчиной, селедкой, красной икрой и свежей клубникой.

— В молочниках сметана. А к селедке уже варится картофель, — сказала она гордо. — Я хотела купить водки, но мне сказали, что русские непременно начнут потешаться над американской водкой и предпочтут виски или коньяк. Вон они в графинах.

— Вы волшебница, — сказал он. — Просто волшебница. — Он посмотрел на часы. — Они должны быть здесь минут через двадцать.

— Но вы же не успеете добраться до аэропорта!

— Я туда не поеду. Их самолет должен был приземлиться десять минут назад. Я заезжал в отель проверить, заказаны ли для них номера и вообще — все ли в порядке. С аэродрома их привезут прямо сюда.

Они прошли в гостиную, она села на диван и, пока он смешивал мартини, следила за ним с тем откровенным любопытством, с каким могла бы рассматривать его лицо после того, как он заснул в ее объятиях. Она взяла бокал у него из рук и стала поверх тонкого края оглядывать стулья, столы, картины на стене, портьеры, и он понял, что она чокается и с ними. Он хотел было сесть рядом с ней, и она вдруг замерла. Хотя она не сделала ни малейшего приглашающего движения, он чувствовал, что она молила его отойти. И он послушался.

Они принялись обсуждать, что им осталось сделать, но лишь для того, чтобы не заговорить о том, другом, что вовсе не требовало обсуждения. Оно уже было тут, уже возникло и дожидалось их с терпением, превышающим все, что они могли ему противопоставить. Зазвонил телефон, и Ник сказал:

— Снимите, пожалуйста, трубку. Телефон позади вас.

— Может быть, звонят вам...

— Конечно.

— Вы же знаете, что я не о том, — упрямо возразила она, но взяла трубку, избегая его взгляда, и заговорила более официальным тоном, чем когда говорила из института, и так быстро, что никакая женщина не успела бы сказать: «Здравствуй, милый!».

— Дом доктора Реннета... Говорит секретарь доктора Реннета. Да... Да... — Несколько секунд она слушала, утвердительно кивая головой. — Я сейчас ему скажу. — Она закрыла трубку рукой. — Русские приехали, но они очень устали. Они предпочли бы поехать прямо в отель, поужинать у себя в номере, написать письма и лечь спать. Если вы согласны, то программу можно будет начать завтра с утра.

Он нахмурился, не в силах скрыть разочарование, и пожал плечами:

— Конечно, если они так хотят.

Она повторила в трубку его слова и, когда разговор окончился, продолжала стоять, не отнимая руки от телефона.

— Я очень на это рассчитывал, — сказал он медленно. — Только сейчас я понял, как сильно я на это рассчитывал.

— И я тоже, — вздохнула она, не подозревая, что он имеет в виду. — Но что же делать? — Ее лицо стало задумчивым и даже огорченным...

ОН СТРЕМИТЕЛЬНО вошел в приемную, думая, что вот сейчас поговорит с Мэрион, но это ему не удалось. У ее стола, очевидно, дожидаясь его, стоял улыбающийся человек почти в шесть футов ростом и смотрел на него с бесцеремонным любопытством в веселых серых глазах. У него был несколько педантичный, старомодный вид, присущий семейным портретам, потому что его каштановые волосы были разделены косым пробором. Однако в маленьком курносом носе и широкой застенчивой улыбке было что-то мальчишески озорное и симпатичное.

— Доктор Реннет? — спросил он, и американский слух поразило раскатистое русское «р». — Горчаков... Дмитрий Петрович, — добавил он не то по привычке, не то из вежливости, а может быть, подумал Ник, чтобы как-то отличить себя от всех остальных Горчаковых Америки.

Их руки соединились в крепком пожатии, лица улыбались, и на мгновение они застыли в солнечных лучах, словно в эту первую минуту встречи стремились заглянуть друг в друга глубже, проверить друг друга полнее, чем это вообще в человеческих силах. Как смешно, что они встречаются, словно незнакомые, когда в той области, которая для них обоих важнее всего, они давно и близко знакомы, несмотря даже на то, неожиданно подумал Ник, что он ничего не знает об этом человеке с любопытными серыми глазами и гладко выбритым лицом — добр он или зол, честен или коварен и чего он больше всего хочет в жизни.

(Окончание на 4-й стр.)

ЧТОБЫ ВСЕ ПРОЧЛИ...

ТВОРЧЕСКАЯ трибуна

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

Читатель любит приключенческие книги. Он охотится за ними, собирает, коллекционирует их, любовно переплетает. За несколько дней до появления очередного выпуска «Библиотечки военных приключений» в магазине на Арбате появляются десятки людей, чьи тоскующие взгляды не оставляют сомнений: они ждут. Если понадобится, они сбегут с работы, чтобы в нужный момент оказаться у книжного прилавка.

Можно спорить о том, кто читает приключенческие книги — только ли молодежь, только ли люди, расположенные к так называемому «легкому» чтению, и т. д. Но спорить трудно — нельзя опереться на цифры, на статистику, на широкий опрос. Все более или менее выборочно и произвольно.

Ясно одно: у приключенческой литературы, даже средней руки, огромный, многомиллионный читатель. Он очевиден и физически ощутим.

Над этим не стоит иронизировать. Особенно тем, кто пишет повести и романы. Всякий раз, когда чья-то рука с интересом протягивается к книге, мы радуемся и немного волнуемся: ведь среди десятков миллионов рук есть, вероятно, и такие, которые потянулись к твоему детищу.

Молодой талантливый писатель, чья творческая жизнь складывается очень успешно в сфере проблемной, «серьезной» (здесь кавычки означают условность термина) прозы, сказал мне недавно с искреннейшим внутренним порывом:

— Когда-нибудь напишу хор-рошую приключенческую повесть. **Такую, чтобы все прочли...**

Разве подобные мысли не зажигали в разную пору и А. Толстого, или Б. Лавренева, или В. Каверина, или А. Авдеенко и многих-многих других: тех, кто написал приключенческие повести, и тех, кто так и не собрался их написать и, может быть, до сих пор чувствует какую-то горечь и неудовлетворенность собой в этой связи?

Такую, чтобы все прочли!.. Что ж, это честный соблазн. И, главное, слово **все** в данном случае не «метафора» не преувеличение. Украинский прозаик Ю. Дольд-Михайлик написал реалистический роман «Степовики», издержав много нравственных сил, мыслей и красок. Роман издавался и по-русски, а много ли читателей знает о том, что такой роман существует? Но вот, озоруя и небрежничая, тот же автор пишет роман «И один в поле воин». И он распространился по стране с быстротой и обязательностью (добровольной!) противоумной прививки. Действие этого романа на читателей самое различное: одни диву даются, другие колеблются в самом уважении к писательскому труду, третьи посмеиваются в приятном убеждении, что они умнее сочинителей книг, четвертые принимают все, что написано в романе, за чистую монету, но почти все дочитывают его до конца.

Обнаруживается одна удивительная, прекрасная, но в известных условиях угрожающая черта этого рода литературы: **чтобы все прочли**, приключенческой вещи, оказывается, не обязательно быть хорошей. Совсем не обязательно! То, что в художественной прозе достается на долю немногих, выдающихся книг, талантливо выразивших эпоху, то, что дается долгими годами проникновения книги в народ, здесь берется, так сказать, с ходу, на реактивных скоростях, на началах массово-тиражного стандартного производства. Правда, популярность эта недолговечна и где-то в уголках читательского рта гнездится предательская усмешка, но иллюзия успеха почти полная. А что успех недолог и приправлен неуважением — так и жизнь человеческая долга ли? — и не все в ней цветы, случаются и тернии.

Сторонники детективной, «следственно-шпионской» литературы делают прямой и примитивный вывод из факта необычайной популярности приключенческих книг у читателя, особенно молодого. Видите, говорят они, читатель спрашивает такую литературу, читает ее взахлеб и не какой-нибудь там читатель, а наш, советский, лучший в мире читатель. А так как читателей миллионы, то иной сторонник детективов запросто именует читателей **народом** и требует, чтобы ему, народу дали ту литературу, какую он хочет. На первый взгляд, почти нерасторжимая логическая цепь.

На деле все сложнее. Я ощутил это с особой остротой год назад в большой санаторной библиотеке поселка Паратунка на Камчатке. На всем лежала какая-то печать запустения — за долгий час, пока я разговаривал с библиотекарем, ни разу не скрипнула дверь: казалось, мы в странном, забытом людьми здании.

— Редко заходить стали, — сказал библиотекарь, виновато поглядывая на стеллажи. — Зайдут, спросят книги про шпионов, а у нас их нет, нам на 1959 год не дали ни одного экземпляра «Библиотечки военных приключений»...

Книгами «про шпионов» интересуется молодежь. Их горячо обсуждают школьники старших классов, хвастаясь начитанностью именно в этой области. Книга «про шпионов» имеет и свою рыночную цену, не совпадающую с ценой, обозначенной на переплете. Типы, шныряющие у книжных лавок, мимоходом, натренированным шепотком предлагают вам книгу «про шпионов».

Все это факты, которые не следует преувеличивать в масштабах нашей культурной революции, но на которые неразумно было бы закрывать глаза.

Невольно получилось так, что читатели и почитатели детективов вынесли своеобразный приговор этому узкому, ремесленному литературному направлению: приговор убийственности и сарказма которого они и сами до конца не осмыслили: он заключен в двух словах — «про шпионов». Всего два слова, найденные с той зоркой избирательной способностью, на которую способна масса. «Про шпионов» — этим сказано многое.

Нет ничего более противоестественного, чем **писатель**, накладывающий своеобразное «вето» на какой-либо род литературы. Да и что толку от газетных «вето»? Жизнь все равно не посчитается с ними, все живое будет жить и развиваться.

Но как согласовать или хотя бы просто совместить широчайшее распространение книг типа «И один в поле воин» с отчетливым сознанием того, что они прививают читателю дурной вкус, развращают его?

Не зряшная ли вообще вся тревога? Может быть, иммунитет наших читателей, воспитанных советской школой, всем строем нашей жизни, так высок, что можно вполне положиться на естественное течение событий, добру и злу внимая равнодушно?

Ни на один из этих вопросов нельзя ответить без серьезного размышления о судьбах молодежи и судьбах культуры. Когда сторонники универсальной культурной «свободы» на Западе — свободы и для стандартизированных комиксов, Рилерс дайджестов, и для полупорнографий — отстаивают свои позиции, на их лицах нет беспечности и веселой улыбки. Они соглашаются с тем, что влияние этих книг на молодежь отрицательно, но при этом говорят, что, во-первых, молодежь должна пройти через все искусы, и, во-вторых, никто не вправе запрещать что бы то ни было, в том числе и любое интеллектуальное и нравственное уродство, ибо и за ним скрыт творец.

И вот «Сладкая жизнь» Феллини, которую с напряженным, я бы сказал, трагическим вниманием смотрит кинозритель западных стран. Это новое путешествие на край ночи, в котором принимают участие не врожденные преступники и не только патологически извращенные типы (есть, конечно, и они), а нормальные, обыкновенные люди, растленные и опустошенные до конца, до мыслимого предела той самой социальной действительностью, которая кичится своей кажущейся безыдейностью, своим анархическим, мелкобуржуазным презрением ко всем и всяческим запретам.

Все, что наблюдали в последние годы советские люди, путешествуя по Западу, и более того, — все то, что укрывалось от нашего торопливого и неопытного взгляда, собрано здесь талантом и страстью художника в один узел, в раскаленную, жгущую и ладони, и взгляд горесть и брошено в лицо буржуазному миру. Это как страшный, холодящий кровь, пробуждающий крик в ночи.

Но не вдруг же случилось такое с людьми! И начинаешь доискиваться причин — не только общих, связанных с природой буржуазного строя, но и вторичных, более зримых, именуемых бытом, житейским обиходом, школой. Клубок разматывается и разматывается, открывая прошлое, и мы непременно приходим к детству и юности этих людей, к самому началу, к первым ошибкам и первым преступлениям общества против юности. Мы не выдумывали этой проблемы — она возникла в жизни и заявляет о себе всякий день самоубийствами, бесчинствами шведских «автодьяволов», трагическими эксцентриадами французских юношей и девушек, стихийными оргиями, все углубляющимся распадом. Конечно, не вся молодежь такая, но процесс этот зашел очень далеко и тревожит всех честных людей Запада.

Профессор Флоридского университета Виктор Мэмэлей (гостивший в Москве) был буквально поражен, обнаружив, что Том Сойер и Гекльберри Финн — любимые герои советских подростков, что редкий школьник не читал книг Марка Твена.

— Вы не поверите, — сказал он с неожиданной для его темперамента грустью, — мои сыновья, 11 и 12 лет, не читали Твена. И, может быть, не прочтут, — добавил он.

На лицах его собеседников выразилось крайне недоверчивое удивление.

— Да, да, — продолжал он, — в городе, где жил Твен, есть памятник его героям, но мои дети не подозревают о существовании Тома и его подруги Бекки. И Джека Лондона не знают.

— Что же они все-таки читают?

— Телевизию, — сказал он, — и Микки Спиллейна!

Я не хочу ничего упрощать, а тем более извращать факты. Это подлинные слова историка профессора Виктора Мэмэлея, но можно вполне допустить, что сыновья или дочери его коллеги читали Твена. Важно то, бесспорное, — этого никто в Америке не станет отрицать, — что Твен уже давно не кумир американского юношества, что он не народный писатель у себя на родине; «народным», сверхпопулярным писателем стал Микки Спиллейн.

И еще одно, последнее, отступление. Недавно в Переделкино к писателям в Дом творчества приехал молодой романист из Швеции Пэр Вестберг. Среди прочего, разговор коснулся и этой темы: распространения комиксов и прочих суррогатов литературы на Западе.

— А у вас молодежь читает комиксы? — спросил гость.

— Нет.

— А их издают?

— Нет.

— Если бы издавали, то и ваша молодежь зачитывалась бы комиксами!

При этом наш гость твердо стоит на той точке зрения, что издавать их нужно, а молодежь пусть посильно барахтается и сама выбирается из болота: обществу в это вмешиваться не следует.

Здесь не стоит спорить на эту тему. Нам чужда такая позиция, при которой детство защищается от физических болезней и оставляется беззащитным перед возможностью нравственного разложения, отравления психики и духовного калеченья.

Вестберг ошибочно связывает отсутствие у нас «литературы комиксов» с прямым **запретом**, не понимая того, что сама природа советского общества враждебна такой «литературе», что наша школа и общественные организации, в том числе и молодежные организации,

(Окончание на 6-й стр.)

ПОИСКИ

Говорят, человек с годами становится суше, эгоистичнее. Подобные откровения приходится слышать не так уж редко. Но кто их ввел в обиход? Мещане и обыватели в оправдание и возвеличение своего «улиточного» способа существования.

А для лирической героини сборника Маро Маркарян жизнь — горная дорога, идущая «прямо к солнцу». Тернист этот путь — «вперед и выше», не первой молодости ее годы, но неугомонное сердце не знает усталости:

Притаясь под спудом снежным,
Там, в глуши глубинной где-то,
Рдеешь пламенем мятежным,
Жажда счастья, жажда света,
Жажда дружбы и доверья.
Пониманья с полуслова!
У печального преддверья
Молодишь меня ты снова...
Беспокойное наследство,
Жизни главная примета!
Где начало, где конец твой,
Жажда счастья, жажда света?

Перевод Э. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Лирическая героиня М. Маркарян обо всем рассказывает с подкупающей искренностью и прямотой, не тая ничего. Да, она много ошибалась: теряла впустую целые годы; ошибалась в людях, разрушая сгоряча то, что было самым дорогим и близким; десятки раз обещала себе стать более трезвой и солидной — «и вновь увлекалась, как малый ребенок».

Видно, так уж устроено это «взбалмошное» сердце. «Заблуждаясь и веря, — презирая потери», оно по-прежнему даже в часы грусти работает с полной отдачей. Неистребимая вера в человека, неподдельный оптимизм — вот его неизменный пульс.

Не иссякает песен родник,
И годы его не трогают.
Не умолкает сердца язык,
Невзгоды его не трогают.
Только ложится иней кругом,
Воздух мглистым становится.
То, что сверкало ярким огнем,—
Серебристым становится.
Лишь не седеют мои мечты,
Спорят с зимою белою.
Люди мне скажут: глупая ты,
Что ж я с собой поделаю?

Перевод В. ЗВЯГИНЦЕВОЙ

Читаешь книгу, и кажется порой, что ты слышишь голос не взрослой, многое пережившей и передумавшей женщины («Я тысячи надежд переплыла»), а совсем молоденькой, впервые открывающей мир девчушки.

Подкупают юная обостренность чувств и восприятий поэтессы, страстная нетерпимость ко всякого рода фальши, несправедливости, эгоизму, жажда самопожертвования и созидания:

Я, как зерна
разбросать должна
Вёсны
сердца моего
по свету,
Новую должна зажечь
планету.
А она
еще не зажжена.

Перевод Б. СЛУЦКОГО

Поэтесса умеет оставаться молодой и тогда, когда она говорит с нами от имени зрелой женской души, которая всему знает цену и которую не прельстит «краса искусственного лоска» и «непылающий огонь».

Искорки из-под кремня
Поджигающего трут,
Драгоценней для меня,
Чем лжесолнцем полный пруд!

Перевод Л. МАРТЫНОВА

Многокрасочна гамма чувств лирики Маро Маркарян. Ликующая радость любви и тревожная грусть разлук; добрая зависть к чужому счастью — свое пришло слишком поздно — и страстное, выстраданное опытом жизни желание предостеречь беспокойно опрометчивую юность от ошибок и заблуждений; воспоминания о детстве и песни любви в навсегда дорогому сердцу родному краю — все это очень задушевно, трепетно, по-настоящему вдумчиво.

Но, закрыв последнюю страницу книги, прочитанной одним дыханием, смутно чувствуешь, что ей чего-то недостает. Вскоре это ощущение приобретает вполне конкретные формы.

Свойственная дарованию М. Маркарян поэтическая философичность — качество редкое и ценное — в иных случаях сильно обесценивается, превращаясь в мнимую многозначительность, ибо от читателя скрыты как причины переживаний, глубоких душевных сдвигов и потрясений лирической героини, так и самые переживания, а налицо — всего лишь голый «вывод» из них: сам же процесс образного, конкретно чувственного мышления выпал.

«Длинна ошибок череда...» — горестно восклицает поэтесса, и эта авторская декларация — лейтмотив немалого числа стихотворений сборника. Но каково содержание этих ошибок? На этот счет читателю остается только строить догадки и предположения. Сопереживания — необходимейшего общения читателя и поэта — не получилось.

Хотелось бы, чтобы широкий бурный поток конкретной, именно сегодняшней, жизни полней питал интересное, своеобразное творчество поэтессы.

Речь, понятно, идет не о внешних, поверхностных приметах времени — не они создают его образ (пример тому — неудачное иллюстративное стихотворение Маро Маркарян «У огня»); мы за глубокое проникновение и полноценное художественное отражение духа и ритма эпохи даже, казалось бы, в сугубо интимной лирике.

Думается, сама Маро Маркарян чувствует известную неполноту мира своей поэзии и упорно ищет выхода на простор поэзии глубоких обобщений и ярких общезначимых чувств. Она вся в поисках, и мы надеемся, что они не окажутся безуспешными. Порукой тому — не умолкающий в ее душе «голос самонедовольства», не убывающий с годами жар сердца.

Э. МАНУКЯН

Маро Маркарян. «Лирика». Перевод с армянского. «Советский писатель». 1960.

Тайны языкотворчества

Георгий ГУЛИА

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Доктор киностудии имени Горького Семен Клебанов беседует с чешским сценаристом Отой Гофманом, искренне желая быть понятым своим собеседником. Клебанов ужасно напрягается, словно взваливает на себя десятипудовый груз. Он полагает, что необходимо вставлять в речь как можно больше чешских слов (а что слова чешские — он в этом и не сомневается).

— Óгда ви, — говорит Клебанов, — óгда ви будешы... Поняли меня? — Будешы сделать сценарж... Поняли?.. Тогда я приехала к вам отель и делала з вас рôзговорж... Поняли? Мой студия написаль ваш студия... студиоза... пизмô и оба студия... Понимаете?.. Обе студии договорятся... Тогда ви писаль нас, а ми писаль вас... Понимаете? Сценарж и разный там шурум-бурум — замечания — вместе смотрель и говориль, и решаль вôброз. Поняли меня?

У Клебанова со лба течет пот градом.

— Все ясно, товарищ Клебанов, — по-русски отвечает Гофман, попивая кофе, — сценарий мы почитаем вместе с вашей студией и вместе решим все вопросы или, как вы сказали, вôброз. Понял вас, хотя я не очень хорошо говорю на вашем языке...

В редакции болгарского юмористического журнала «Стръшел» ко мне обращается писатель Радой Ралин. Он не говорит по-русски. Долго и мучительно трет себе затылок и, вздохнув, начинает:

— Георгий, ав... и... я... ав...

Он трагически пытается припомнить какие-то слова, которые, по его глубокому убеждению, должны быть для меня яснее шоколада. И у него получается следующее:

— Я... их... егó калá... хтел... хтчялбым... Плиив... Пофтим... Волен вир юбер... з вами помовит... о проблém дю... отаски литератури... э, э, э... битте... проблемен дер сатире унд... Плиив... хумору... хумору... интерессант... их... егó... хтел... Я... Я...

Окончательно иссякнув, Радой все-таки выдавил из себя последние остатки лингвистических познаний. Он сказал весьма озабоченно:

— Кёссенем... Синьоре... Фувнте овехуна... Хачамама...

И умолк. Ему было очень и очень тяжко.

Полный анализ его речи, произведенный мной на досуге, показал, что Радой привлек к себе на помощь одиннадцать языков: немецкий, греческий, французский, английский, венгерский, итальянский, румынский, испанский, польский, чешский и отчасти русский.

Рисунки М. Бренайзена

Не разобравшись в этой абракадабре, я сказал:

— Товарищ Радой, попытайтесь выразить все это по-болгарски. Хорошо?

Эта перспектива его определенно воодушевила, и он сказал:

— Искам да поговôре с вас по някои литературни въпроси. Пôточно мéне ме интересуват въпросите на хумора и сатирата.

— С удовольствием, — ответил я, — давайте поговорим о проблемах сатиры и юмора.

Ралин просто счастлив. Я это чувствую. И он философски замечает:

— Человеческий язык — большая загадка.

Это он по-болгарски замечает.

В стране вечного лета

Автобусная остановка в городе Анурадхапуре. Обратите внимание на знак в левой части рисунка — это забота о пешеходе. Две голые черные ноги обозначают место перехода через улицу. Такой уличный знак можно увидеть только на Цейлоне.

Встреча на далеком меридиане

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

— Ну вот, — повторял Горчаков, пока они продолжали пожимать друг другу руки. — Ну вот, ну вот...

А Ник, охваченный той же радостью, твердил:

— Наконец-то...

Затем, обняв русского за плечи, он повел его к себе в кабинет.

— Входите, входите и садитесь. Дайте хорошенько вас рассмотреть!

Скрестив руки на груди, он прислонился к столу и сверху вниз смотрел на своего гостя, который, тоже скрестив руки, глядел на него снизу вверх с таким же удовольствием и такой же веселой улыбкой.

Синий костюм Горчакова по своему покрою мог быть куплен в любом недорогом американском магазине, только в форме карманов было что-то иностранное. Его галстук со сложным узором и полосатая рубашка сильно отдавали американским Средним Западом. Самым примечательным в его наружности было отсутствие всякой примечательности, и Ник неожиданно сообразил, что он, в сущности, сам не знал, чего ждал, так как русских ему приходилось видеть только на серых фотографиях, изображавших рабочих в кепках и либо в сапогах, либо в широких брюках.

— Как мы будем говорить? — спросил неожиданно Ник. — Вы знаете английский?

— Хорошо ли я знаю английский? — Горчаков обезоруживающе пожал плечами. — Поговорите со мной — и увидим, — добавил он добродушно. — Я знаю его не слишком хорошо, но не так уж и плохо. Он не доставлял мне особых хлопот — пока.

— Ну, а я говорю по-русски плохо, — медленно произнес Ник по-русски.

В глазах Горчакова вспыхнуло удовольствие.

— Значит, вы говорите по-русски?

Ник засмеялся.

— Только про физику, — он заколебался. — Я научился читать... чтобы, — произнес он, подыскивая нужное слово.

— Чтобы, — подтвердил Горчаков со снисходительной улыбкой терпеливого учителя.

— Чтобы я мог знакомиться с вашими статьями. — Ник закрыл глаза и мысленно еще раз повторил всю русскую фразу, проверяя, не напутал ли он в падежных окончаниях. Творительный падеж, множественное число. Правильно. Он продолжал: — Мой акцент, я знаю, с... — он снова запнулся и опять докончил уже вопросительно, — страшный?

Горчаков снова кивнул.

— Только это неправда, — сказал он вежливо.

Ник откинул голову и громко рассмеялся.

— Ну, это было бы чудом, — сказал он по-английски. — Я произносил русские слова впервые в жизни. Специально откладывал это до встречи с вами. Но дальше нам придется разговаривать «по-английски», — вставил он русское слово.

Некоторое время они говорили о пустяках, потому что Горчаков все еще чувствовал себя не вполне уверенно, хотя и неплохо маскировал это вежливой сдержанностью жестов и любезной улыбкой, которая была чуть более официальной, чем того требовала необходимость; но вскоре он расположился в кресле поудобнее, стал отвечать на вопросы более непосредственно и позволил себе с откровенным любопытством оглядеть кабинет.

Но пока они прощупывали друг друга, болтая о погоде, о самолетах, отелях и первых мимолетных впечатлениях, Ник понял, что едва сдерживает снедающее его желание поскорее узнать своего собеседника как можно лучше и что для этого ему важнее всего выяснить, приходилось ли и тому работать над тем, над чем Ник работал во время войны, видел ли он собственными глазами ослепительно белую гибель мира, скрывается ли и в нем человек, все еще потрясенный высвобождением сил, настолько превосходящих воображение, что лишь те, кто сами способствовали этому высвобождению, а потом наблюдали результаты своей работы, могли принадлежать к маленькому братству людей, по-настоящему постигших суть своей эпохи?

Только узнав это, мог он действительно узнать Горчакова, но он помнил, что именно этого вопроса не может задать. Об этом они — узники своей эпохи — обязаны хранить молчание: так узникам, томившимся в тайных темницах, запрещалось говорить между собой. Ник хотя бы имел право упоминать о том, что он сделал, так как его участие в этой работе было официально известно всем. Но расспрашивать Горчакова — это другое дело. То, что на самом деле было лишь жадным любопытством к его личному прошлому, могло показаться чем-то гораздо более зловещим; но так или иначе, рано или поздно он должен будет это узнать.

— Знаете, — сказал Ник, — я никак не могу отождествить вас с тем представлением, которое у меня о вас было: я ждал увидеть человека пониже, поплотнее, помоложе.

— А я ожидал увидеть человека постарше, — рассмеялся Горчаков.

— Постарше?

— Да, конечно. Ваши работы стали появляться уже пятнадцать — двадцать лет назад.

— Я начал печататься, когда мне исполнился двадцать один год.

— Только двадцать один? — спросил Горчаков с добродушной иронией, и Ник почувствовал, что скованность его собеседника, наконец, совершенно исчезла. — А я начал печататься, когда мне было уже почти тридцать. Когда мне исполнился двадцать один... Господи, это же было в сорок пятом году? Я, наверно... — он, сосредоточенно хмурясь, посмотрел на Ника, проверяя, правильно ли произносит английские слова, — наверно, въезжал на танке в Лейпциг. — Его лицо внезапно омрачилось, и он на мгновение стал гораздо старше. — Какой это был год! — вздохнул он. — Война была очень тяжелой, но тогда она уже кончалась, и дальше все представлялось таким безоблачным! Не хотелось думать о прошлом, и я только снова и снова твердил себе, что все это кончилось навсегда... — В его голосе послышалось сдержанное волнение. — Кончилось и никогда не вернется; если бы я в это не верил, я не мог бы жить дальше. И я верил. Но потом... — Он помолчал, и снова его тон внезапно изменился. — Вы знаете, здесь, у вас, я иногда задумываюсь, может ли иностранец понять, чем были эти наши сорок лет... Как мы их понимали, какими мы их видели, что они означали для нас... Почему мы сделали то, что мы сделали... — Он растерянно покачал головой. — Как объяснить людям, которые не пережили этого? Как? — Затем его настроение снова изменилось. Руки легли на колени, лицо прояснилось, на губах вновь заиграла улыбка. — Вот было бы странно, если бы мы с вами встретились тогда в Германии. Я бы ничего не знал о вас, ни кто вы такой, ни кем будете, — так же как и вы обо мне, — просто два человека в военной форме. Мы могли бы кивнуть друг другу или обменялись бы сувенирами, даже не узнав имен друг друга.

— Во время войны я не служил в армии, — сказал Ник и, внимательно глядя на Горчакова, многозначительно произнес: — Я занимался физикой.

— Ах так. — негромко сказал Горчаков, когда понял, что кроется за словами Ника. Он вдруг заколебался не зная, что сказать дальше, и снова лицо его изменилось, став на момент непроницаемой маской; он настороженно выжидал, чтобы Ник задал тон, но сам ему не помогал.

— И у нас это время тоже было странное, — медленно продолжал Ник. — Там, где мы находились, мы были одинаково далеко и от любого врага, и от собственного народа. Никто вне самого центра не знал, где мы и чем мы занимаемся. А мы находились там только потому, что немцы, как мы твердо верили, намного обогнали нас во всех отношениях, поскольку они начали работу гораздо раньше. В 1944 году, когда ваша война уже подходила к концу, мы только-только узнали, что немецкие физики — группа Гейзенберга — не сделали и половины того, что сделали мы. Нас это потрясло. Нам и в голову не приходило, что мы будем первыми. Словно Колумб отправился в Америку не потому, что решил открыть новый континент, а только для того, чтобы догнать какого-то другого капитана, который, по слухам, отплыл на несколько дней раньше. И поэтому, когда во время путешествия Колумбу приходилось решать какие-то совершенно новые задачи, блестящие решения, которые он находил, были в его глазах лишь доказательством гениальности, проявленной его соперником за несколько дней до него. Если бы нам сказали, что у немцев ничего не получилось, мы бы тоже прекратили работу задолго до того, как она начала давать результаты. — Он помолчал, снова почувствовав непреодолимое желание задать столь важный для него вопрос, но вместо этого сказал: — Интересно, как все сложилось бы, если бы мы действительно прекратили работу?

Горчаков молчал. Любезное выражение его лица не изменилось, но во взгляде умных глаз появилось что-то новое. Наконец он сказал:

— Рано или поздно эти результаты были бы достигнуты. Ведь физика уже была к этому готова.

— Но для меня это имело бы большое значение, — заметил Ник. — Мне даже трудно вообразить, насколько по-иному сложилась бы тогда моя жизнь. Вам знакомо это ощущение?

Снова Горчаков ничего не сказал. Ни выражение его лица, ни поза не изменились, и, однако, он весь насторожился. Легкая дружеская улыбка не была насмешливой. Он просто забыл убрать ее с лица. Он ждал. Потом медленно поднял руку и протянул к Нику раскрытую ладонь вежливым жестом, говорившим: «Слово по-прежнему за вами, продолжайте». Однако его нежелание отвечать само по себе было ответом.

— Трудно объяснить, в чем, собственно, состоит это ощущение, — продолжал Ник. — И, разумеется, эту работу надо было сделать. Это было неизбежно. Но я, собственно, хотел спросить вот что: а если бы ее закончили при других условиях, ради других целей или хотя бы после того, как другие проделали то же и взяли на себя всю ответственность за то, что принесли эту силу в мир? Необходимость в таком случае сняла бы всякое чувство вины, как это было с нами, пока мы думали, что немцы нас обогнали. Каким было бы это ощущение — знать, что ты не первый?

Горчаков стал очень серьезным. Он нахмурился и наклонился вперед, словно собираясь встать и уйти не говоря ни слова. Ему, казалось, было очень жаль, что разговор принял такой оборот. Ник сказал:

— Сознание, что ты первый, иногда оказывается бóльшей нагрузкой на человеческий рассудок, чем само решение задачи. — Ему стало ясно, что политическая обстановка сводит на нет его личное любопытство, каким бы напряженным оно ни было, и до боли бесполезно надеяться, что Горчаков поймет его истинные побуждения. Ник грустно улыбнулся и, стараясь окончательно прикрыть свое отступление, добавил: — Возможно, наука развивалась бы гораздо быстрее, если бы мы думали, что просто заново открываем утерянные истины, которые человечество когда-то знало, а потом забыло, — ведь забыли же на целую тысячу лет, что земля круглая.

— Возможно, — согласился Горчаков. Его напряжение исчезло; он, очевидно, решил, что подозрения его неосновательны. Он слегка улыбнулся. — Но как же тогда быть с захватывающим чувством познания неведомого? В таком случае на долю ученого осталось бы лишь удовлетворение умного сыщика, который, сопоставив мелкие данные, воспроизводит действия другого человека. А на самом деле это настолько значительнее, настолько... — У него не хватило слов, его пальцы нетерпеливо сжимались и разжимались, пока он тщетно искал выражения своей мысли. — Да кому же это и знать, как не вам?

Ник угрюмо посмотрел на него и опустил глаза, чтобы спрятать иронический вопрос: «Вы так думаете?»

— Послушайте, — сказал Горчаков, — вот мы сидим с вами здесь, два человека, измерившие высочайшие энергии элементарных частиц, которые движутся в том, что считается пустым пространством. А мы с вами знаем, что оно не пустое. Мы знаем, что оно наполнено потоками, а может быть, огромными облаками электрически заряженных частиц, которые движутся из одного конца галактики в другой. Если правильно одно из наших измерений, то, значит, и вселенная обладает одной формой и одного рода строением. Если же правильно другое измерение, то, значит, природа подчиняется совсем иным законам. Вот мы сидим солнечным утром — два человека, которых недавно разделяли тысячи миль, но которые последние годы оба мучились, пытаясь постичь строение тел, находящихся от нас на расстоянии тысяч световых лет. Световых лет! — повторил он мечтательно. — Ну, так какой же вариант более привлекателен? Что мы просто стараемся восстановить истины, которые были известны, ну, скажем, жителям Атлантиды и погибли вместе с ними, или что мы вторгаемся в неисследованные области и нашему разуму впервые за всю историю Земли предстоит определить строение космоса на основании известных нам данных?

— Но, собственно говоря, что нам известно? — спросил Ник. — Получили вы какие-нибудь новые результаты, которые позволили бы как-нибудь согласовать наши измерения?

Горчаков покачал головой.

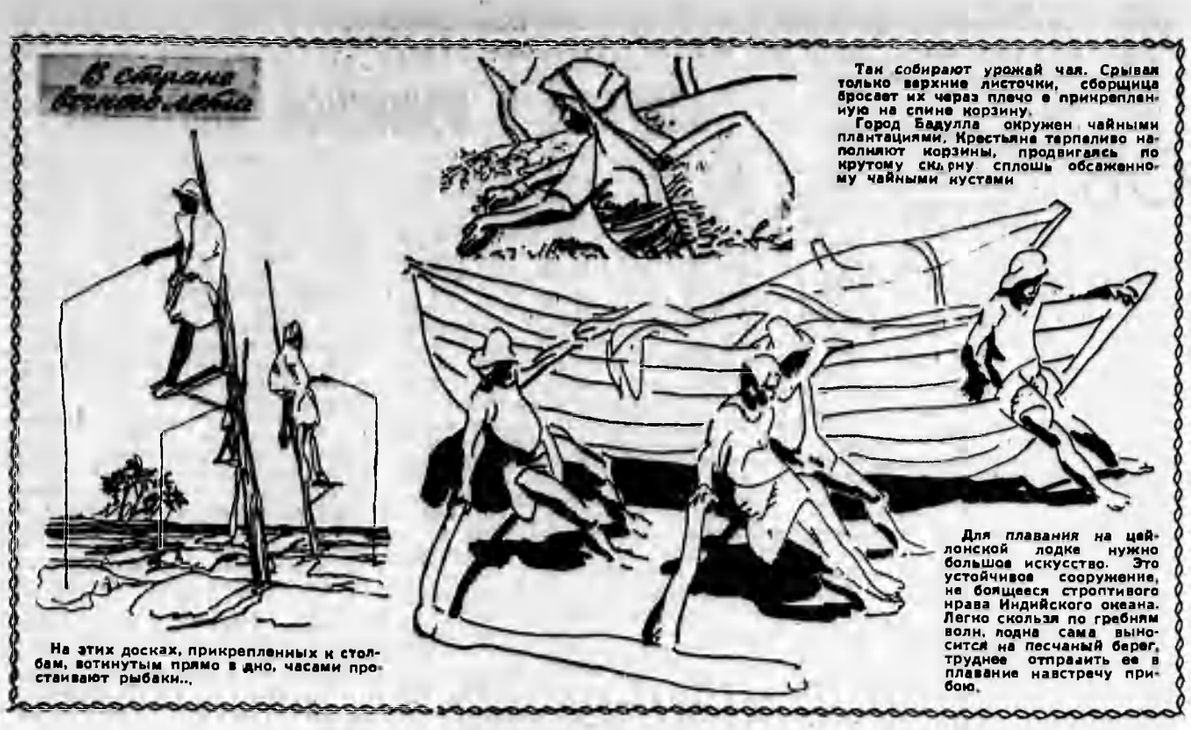
— В Москве мы все время получаем один и тот же ответ. А вы?

— Тоже. Это абсолютно нелогично, если только дело не в ошибке приборов.

— Но какой из них неточен — ваш или наш? Если бы меня попросили выбрать между экспериментальными результатами, полученными вами, и иными результатами, полученными путем такого же опыта кем-нибудь другим, я, конечно, поверил бы вам. Но в данном случае кто-то другой — это я, а я уверен в каждой детали моего эксперимента.

Ник пожал плечами. Он отошел от письменного стола и остановился у черной доски.

— Я могу только ознакомить вас со всем ходом моих рассуждений, а затем — с моим прибором. Быть может, вам удастся найти ошибку...



Так собирают урожай чая. Срывая только верхние листочки, сборщица бросает их через плечо в прикрепленную на спине корзину.

Город Бадулла окружен чайными плантациями. Крестьяне терпеливо наполняют корзины, продвигаясь по крутому склону сплошь обсаженному чайными кустами

На этих досках, прикрепленных к столбам, вотнутым прямо в дно, часами простаивают рыбаки...

Для плавания на цейлонской лодке нужно большое искусство. Это устойчивое сооружение, не боящееся строптивого нрава Индийского океана. Легко скользя по гребням волн, лодка сама выносится на песчаный берег, труднее отправить ее в плавание навстречу прибою.

ПОСРАМЛЕННЫЕ ЛАВРЫ

Андре ВЮРМСЕР

СПОРТИВНЫЙ азарт разгорается в Париже дважды в году: летом, когда разыгрываются большие призы на скачках в Лоншане и на велосипедных гонках «тур де Франс», и зимой, когда присуждаются литературные премии. Последних с каждым годом становится все больше, однако премия, которую присуждают десять членов Гонкуровской академии, остается главной — и потому, что она была первой во Франции, и в силу авторитетности членов жюри.

Год 1960 будет особо отмечен в гонкуровских анналах, ибо лавры лауреата увяли за одну неделю. Гонкуровская премия 1960 года просуществовала семь дней; ее уже нет, решено, что гонкуровской премии 1960 года не было вовсе, все зачеркнуто...

Факты известны. На первый взгляд, они необъяснимы. Появляется книга, в оценке которой все критики — и правые, и левые — проявляют полное единодушие. Они единогласно заявляют, что книга отвратительна. Автор ее — Винтила Ориа, румынский эмигрант, нашедший убежище у Франко... Велика, должно быть, его любовь к свободе!

Члены Гонкуровской академии присуждают этому субъекту Гонкуровскую премию. Во избежание недоразумения уточним: лишь некоторые члены Гонкуровской академии присуждают Ориа премию Гонкуров. В первом туре за него голосовали двое, а когда он одержал победу, четверо, оставшиеся в меньшинстве, заявили горячий протест.

Не впервые случается, что литературное жюри присуждает премию за скверную книгу. Но почему выбор пал именно на эту книгу?

В прошлом году Гонкуровская академия увенчала лаврами роман Шварц-Барта «Последний праведник», книгу, проникнутую духом мессианства, книгу, которая произвольно разделяет мир на два лагеря — евреев и неевреев, но разоблачает преступления нацизма. Этот выбор (Шпейдель уже командовал над частью французской армии) вызвал тогда много толков. Не подсказано ли решение, принятое в 1960 году, желанием «сбалансировать» премию 1959 года? Весьма вероятно. Быть может, члены академии не знали, кто такой Ориа? И да, и нет. Им бесспорно было известно, что это сомнительная личность, — об этом говорит его прошлое; возможно, однако, что они не знали всю правду об этом субъекте.

Это «Юманите» раскрыла всем глаза, приведя перечень гнусных статей, в которых Ориа прославлял Гитлера и оплевывал Францию, перечень статей, опубликованных в газетах «Железной гвардии» с 1935 по 1942 гг. Это «Юманите» воспроизвела и призывы к погрому, с которыми выступал этот подонок.

Тогда-то и произошло чудо, которое вам кажется, должно быть, столь непостижимым.

Возмущение охватило всю французскую печать. «Орор» утверждает, что Гонкуровская академия не имеет права настаивать на решении, оскорбляющем чувства всех французов. «Фигаро» заявляет, что писания Ориа «вызывают отвращение». По высказываниям этих ультрареакционных газет можно себе представить, в каком тоне выступают другие органы печати. Скандал принял такие масштабы, что Гонкуровской академии волей-неволей пришлось как-то выпутываться из трудного положения, в которое она себя поставила.

Одного из ее членов вдруг осенило:

— Вот если бы лауреат сам отказался от премии... И Ориа отказался. Скажем прямо, было трудно противостоять нажиму, оказанному на «писателя» столь уязвимого. Впрочем, шумиха, вызванная присуждением премии Ориа, и так принесла ему несколько миллионов. Гонкуровская академия облегченно вздыхает, созывает заседание: премии 1960 года нет и не будет...

Я стараюсь посмотреть на все это вашими глазами, друзья мои, читатели «Литературной газеты». «До чего же непоследовательны эти французы!» — думаете вы. И в самом деле: они терпят в Мурмелоне немецких солдат под командованием нацистского полковника и вдруг единодушно протестуют против литературной премии. Но не судите чересчур поспешно, друзья мои. Винтила Ориа внушает французам омерзение столь сильное, что ему приходится бросить лавровый венок и обратиться в бегство; так бросает оружие солдат, бегущий с поля боя. Это не единичный факт. В наших кинематографах сейчас идет картина под названием «Мейн кампф», повествующая о становлении гитлеризма и его преступлениях. Все критики возносят хвалу этому фильму, пользующемуся изрядным успехом. В Национальном народном театре идет с аншлагом «Карьера Артуро Уи, которой могло и не быть», драма Брехта, раскрывающая всю закулисную историю восхождения нацистов. И когда Жан Вилар срывает свой парик и, произнося слова брехтовского эпилога, предостерегает народ от возвращения одержимых: «Чрево, зачавшее этих чудовищ, не стало бесплодным...» — зал поднимается, как один человек, и встречает слова Брехта бурей оваций... Все это значит, друзья мои, что вы совершили бы ошибку, считая французов забывчивыми или равнодушными. Напротив, они сохраняют обостренную чувствительность ко всему, что имеет отношение к нацизму и его преступлениям. И если какой-нибудь фильм, или пьеса, или несправедливо присужденная литературная премия дают им для этого повод, они проявляют свою верность, дают волю своему гневу...

Однако немцы находятся в Мурмелоне.

Все сказанное выше как раз и показывает, что это делается не с согласия французов, которые протестуют, устраивают демонстрации, а в городах, где расквартирован вермахт, закрывают двери перед носом его солдат и офицеров. Учтите также, что приверженцы этой идиотской политики, которая снова привела немецких солдат во Францию, играют на глубоком стремлении нашего народа к миру, а следовательно, разумеется, и к франко-германскому примирению. Сговор с германским милитаризмом нечто диаметрально противоположное примирению народов но ведь не всякий понимает это так ясно, как мы с вами... Если неясно сформулирован вопрос, то и ответ будет туманным. Путаница, двусмысленность, поддерживаемые властями, затуманивают мозги, уродуют лик Франции. Но если вопрос ставится ясно— фильмом, пьесой или, как в эти дни, присуждением литературной премии румынскому нацисту, то звучит ясно данный ответ.

На мою долю выпала честь быть автором статьи, которая показала французам, — включая и членов Гонкуровской академии, — сколь недостоин такой премии Ориа. Не разрешите ли вы мне теперь сделать вывод из этого скандального происшествия? Вот он: да здравствует Франция!

ПАРИЖ, 9 декабря. (По телеграфу)

С. С. СМИРНОВ

В ИТАЛИИ

ИЗ ЛЕТНИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

IV. ГЕНУЯ И ГЕНУЭЗЦЫ

Мне довелось познакомиться и подружиться с некоторыми из генуэзцев в местной Ассоциации партизан — нынешнем штабе бывших участников Сопротивления. Этот штаб скромно приютился на втором этаже большого казенного вида дома в узкой торговой улочке, неподалеку от центра. Здесь, в трех комнатах, обставленных с истинно партизанской непритязательностью, каждый день собираются люди самых разных профессий и положений — от мелкого предпринимателя до рабочего, от адвоката до крестьянина из горной деревушки, люди, которых на всю жизнь прочно сдружило самое сильное в мире братство — братство тяжкой и долгой войны.

Как мы, советские фронтовики, собираясь вместе, тотчас же начинаем вспоминать трудные, но бесконечно дорогие для нас боевые дни, так и они, едва встретившись, говорят: «А помнишь?..» И снова переживают свои победы, хохочут над забавными случаями из партизанского быта и становятся печальными, называя тех, кто сейчас остался только в их памяти. У них свои словечки, свои шутки, понятные только им, свой особый стиль обращения друг с другом — грубовато простой, но сердечно теплый, с обязательным «ты». И зовут они один другого не по имени или фамилии, а партизанской кличкой, так называемым nome de battaglia (боевое имя), которое нередко звучит по-итальянски пышно — «Тигр», «Молния», «Красный».

О каждом из этих людей можно написать целую повесть, но я хочу хоть вкратце познакомить читателей с несколькими из них.

Руководителя генуэзских партизан товарищи называют просто Грегорио. Это nome de battaglia коммуниста Джорджио Джимелли. Он еще довольно молодой человек, с ладной, плотной и стройной фигурой, в которой по-спортивному нет ничего лишнего. И кажется, что и характер его — такой же ладный и стройный, без всякой дряблости, сомнений и колебаний, без какого бы то ни было жирка апатии или самодовольства. От Джимелли веет удивительным прямодушием, необычайно собранной, веселой и целеустремленной энергией, в нем чувствуешь человека с ясной и чистой совестью, который давно и навсегда определил для себя, зачем он живет на земле и как ему следует жить. Это один из тех солдат боевой гвардии итальянских коммунистов, что безраздельно отдали себя своей партии и своему народу. Они в решительный момент готовы идти в тюрьмы и на смерть, а в обычное время нередко оставляют выгодное, денежное место, любимую работу по специальности, чтобы по первому зову занять малооплачиваемую должность партийного функционера, или руководителя, в одной из прогрессивных организаций, должность, не сулящую ничего, кроме трудных хлопот, полицейских преследований, и обрекающую этого человека и его семью на более чем скромное существование.

Джорджио Джимелли—один из вожаков лигурийских партизан, человек, показавший себя истинным храбрецом в дни войны. Его как партизанского командира хорошо знают и генуэзцы, и жители горных деревень. А в недавних июньских событиях он еще раз подтвердил свою репутацию смельчака, не теряющего хладнокровия в самые опасные минуты.

Это именно он в критический момент 30 июня, когда на площади разгорелось сражение между полицией и демонстрантами, вскочил на крышу полицейского автомобиля, окруженного бушующей толпой, и обратился с речью к народу. И твердых, спокойных слов прославленного партизана оказалось достаточно, чтобы успокоить сотни и тысячи людей, доведенных до бешенства кровавой провокацией полиции.

Сейчас он рассказывает об этом с веселым смехом, как о забавном пустяке, словно и в самом деле легко было встать в рост на верху машины, когда над площадью раздавались автоматные очереди, градом летели булыжники, клубились облака слезоточивого газа,— будто так просто было прекратить ожесточенную, стихийно начавшуюся битву. Впрочем, этот человек привык обо всем говорить шутливо. Он неизменно бодр, весел, и только раз я видел, как опечалилось его лицо. Грегорио сказал, что давно хочет побывать в СССР и уже несколько раз получал приглашения, но его не пускают — правительство не дает визы на выезд из страны.

На второй день моего приезда в Геную меня познакомили в Ассоциации с высоким черноусым красавцем-партизаном, которого все называли Саэтта (Молния). Мне сказали, что прозвище это соответствует его характеру. В годы войны Саэтта во главе своих партизан отличался особой быстротой действий, неожиданностью удара по врагу и почти никогда не терпел поражений.

Едва лишь Саэтта узнал о моем приезде, он сейчас же примчался в Ассоциацию. И не только потому, что он уже дважды был в Москве и считает всех москвичей своими друзьями. Его сближает со всяким приехавшим из нашей столицы и нечто другое. Дело в том, что, как смеясь рассказывали мне его товарищи, Саэтта, этот победоносный партизанский командир, потерпел в Москве свое первое «поражение», виновницей которого является некая красивая девушка-москвичка по имени Валя. Недаром, вернувшись из Советского Союза, Саэтта очень сильно загружает итальянскую почту и упорно изучает русский язык, а в его разговоре с друзьями, особенно с московскими, чуть не каждое третье слово — «Валья».

Саэтта живет не в самой Генуе, а в нескольких десятках километров от нее — в небольшом курортном городке Кьявари, близ которого в окрестных горах когда-то действовал он со своими партизанами. Он приехал за мной на своем автомобиле — маленькой английской машине спортивного типа, чтобы показать мне красивейшие места Генуэзской Ривьеры. Времени было мало — вечером мне предстояло встретиться с группой бывших партизан, — и мы тотчас же отправились в путь.

В самом деле, Ривьера сказочно красива. Узкая дорога, проложенная по крутому склону горы, причудливо извиваясь, открывала на каждом повороте по-новому великолепный вид — то густо-синее море с живописным дальним мысом и с пинией, примостившейся где-нибудь на краю скалы, то крутые горбы гор, плотно и пушисто покрытые зеленью с рассыпанными по склонам курортными поселками.

Мы побывали на красивейших курортах Санта Маргерита и Рапалло, где, по словам Саэтта, отдыхают в основном миллионеры, кинозвезды да знаменитые европейские писатели и художники. Пообедали в крошечной бухте Портофино, где у берега стояла роскошная парусная яхта какого-то приезжего богача, и, наконец, попали в чистенький уютный Кьявари.

Здесь мне предстояло посетить партизанский музей, созданный руками местных участников Сопротивления. Музей был скромный, но составленный с любовью и очень продуманно. Тут на стендах и на витринах были собраны партизанские реликвии, документы и фотографии той поры, а также множество фотоснимков, рассказывающих об ужасах гитлеровских лагерей уничтожения.

В честь моего прихода пустили в ход радиолу с пластинкой, на которой были записаны любимые песни итальянских партизан. Любопытно, что самая популярная партизанская песня «Дует ветер, завывает буря» сложена на мотив нашей всемирно известной «Катюши», а другая поется на мотив нашего «Стеньки Разина».

С радостным чувством я прислушивался к незнакомым словам, к таким знакомым родным напевам, рассматривал с интересом фотографии. Саэтта и оказавшийся в музее еще один партизан, служивший прежде под его командованием, давали мне пояснения. И на многих старых фото видел я знакомое черноусое лицо тогда еще совсем молодого Саэтта, лихо вышагивающего впереди своего отряда по улицам только что освобожденного города. А стоило Саэтта отойти от нас или отвернуться, как его товарищ партизан тут же заговорщически дергал меня за рукав и, тыча пальцем в сторону своего бывшего командира, жарко шептал мне на ухо:

— O, bravo uomo! Motto bravo! (О, храбрый человек! Очень храбрый!).

Но время было на исходе. Мы явно опаздывали к назначенному часу и поспешили к машине. И как только мы выехали из Кьявари, стрелка спидометра ушла за цифру 100. Бесчисленные извивы узкой дороги мелькали перед нами, как кадры в каком-то сумасшедшем кинофильме, шины автомобиля визгливо выли, как истребитель на крутом вираже, из-за поворотов выскакивали встречные машины и со звонким шелестом снаряда пролетали мимо впритирку к нам. Скованный напряжением, я вдавился в сиденье, затаив дыхание и не в силах даже повернуть головы. А Саэтта как ни в чем не бывало крутил рулем и во все горло распевал советские песни — «Подмосковные вечера» и «Гимн демократической молодежи», а в промежутках между пением говорил что-то о той же неизменной «Валье», что, признаюсь, как-то не доходило до моего сознания.

После часа этой головокружительной гонки мы приехали в Геную, опоздав всего на полчаса, — партизаны уже ожидали меня. Помню, когда я вылез из машины, мне захотелось ощупать себя. Минут пятнадцать спустя, отдышавшись после этой ошеломляющей поездки, я сказал Джимелли:

— Ну и бешеный водитель, этот Саэтта!

В ответ Грегорио пожал плечами и расхохотался.

— Вас не разберешь, — воскликнул он. — А Саэтта нам сейчас сказал, что вы опоздали потому, что он старался ехать потише, — берег тебя как гостя.

Так я и уехал из Генуи с ощущением того, что у нас и у итальянцев совершенно разные представления о тихой и быстрой езде на автомобиле.

Когда вечером, после нашей встречи в Ассоциации, Саэтта уехал к себе в Кьявари, шефство надо мною взял другой партизан—Франческо Капурро, который с гордостью носит свое nome de battaglia — Rosso (Красный).

«Красный» внешне очень непохож на Саэтта. Ему еще нет пятидесяти, но выглядит он значительно старше. Это большой, грузноватый человек с полным, необычайно выразительным лицом. У него живые, горячие глаза, которые всегда принимают самое активное участие в разговоре, весьма красноречивая мимика и типично итальянские жесты. Мне он казался словно сошедшим с экрана героем какого-нибудь итальянского неореалистического фильма, и я говорил ему, что он избежал карьеры киноактера только потому, что де Сантису или де Сика ни разу не довелось встретиться с ним.

Биография Франческо Капурро поистине удивительно. Бывший шофер, он в годы войны стал командиром партизанской бригады, был захвачен гитлеровцами в плен и... расстрелян. Да, это так — по всем правилам поставлен к стенке вместе со своими товарищами и расстрелян отделением немецких солдат. Он упал с пятью пулями в теле и, еще не потеряв сознания, притворился мертвым. Но немецкий офицер, командовавший расстрелом, видимо, был опытным палачом. Осматривая трупы, он понял, что этот партизан, может быть, жив, и добил его colpo de grazie — так называемым «ударом милосердия», каким добивают смертельно раненных после казни. То ли рука изменила гитлеровцу, то ли «Красный» оказался особенно живучим, но он через некоторое время очнулся и, собрав последние силы, сумел доползти до своих. Сейчас обо всем пережитом напоминают ему хромая нога, расшатанное здоровье, пять пулевых шрамов на теле да рубец на голове от последнего удара немецкого офицера. Это, впрочем, не мешает ему оставаться вулканически энергичным, жизнерадостным и веселым человеком, у которого добрая половина жителей Генуи — личные друзья.

Самое любопытное заключается в том, что бывший партизан по кличке «Красный», коммунист Франческо Капурро сейчас уже вовсе не рабочий, а, как шутят его товарищи, «капиталист», предприниматель. В городе Генуе, в том месте, где начинается одна из крупнейших в Италии автострад — шоссе, ведущее в Милан, — стоит у дороги врубленная в скалу распределительная станция бензина «Эссо» и при ней небольшой гараж для ремонта машин. Это предприятие и является частной собственностью синьора Франческо Капурро. А так как «предприятие» находится на очень бойком месте, а хозяин его имеет самые широкие связи среди шоферов и владельцев автомобилей, — станция приносит весьма основательный доход.

Франческо явился за мной, как и Саэтта, со своей машиной. Он долго выпытывал у меня, где бы я хотел провести этот вечер и, не получив внятного ответа, сказал, что сам решит этот вопрос, и повез меня на праздник в небольшой городок Рекко, неподалеку от Генуи.

В курортных городках Генуэзской Ривьеры очень любят проводить всевозможные праздники — они привлекают уйму туристов и местных жителей, а такой наплыв гостей всегда приносит городу хороший доход. В устройстве этих праздников не скупятся на выдумку, и многие из них с годами стали традиционными. Так, в Камольи ежегодно в июне проводится праздник рыбаков. На большую жаровню ставят сковороду диаметром шесть с половиной метров, выливают в нее 200 литров масла и непрерывно жарят рыбу, бесплатно угощая всех желающих. В местечке Аренцано есть ежегодный праздник клубники: там выбирается «королева» — красивейшая девушка, которая раздает всем клубнику. Праздники всегда сопровождаются всевозможными развлечениями, ярмарками и обязательным фейерверком.

Рекко — город, который исстари славится мастерами, изготовляющими башенные часы. Говорят, что во многих крупных городах Европы башни украшены часами с маркой Рекко, чем очень гордятся его жители. Праздник, который на этот раз затевали здесь, был организован церковниками в честь богоматери. Это обстоятельство сначала очень огорчало Франческо Капурро, который питает органическое отвращение к церкви и попам и при виде сутаны неизменно отпускает какую-нибудь соленую шутку. А когда, бывало, я удивлялся тому, сколько у него повсюду друзей, он обязательно добавлял: «Кроме попов!» Но на этот раз он заявил, что попы попами, а в Рекко, наверное, будет весело, и мы поехали.

Гулянье давно уже началось. Весь городок был забит машинами; они выстроились бесконечной чередой на обочине шоссе при въезде в Рекко. На домах висели гирлянды электрических лампочек, образуя две переплетенные буквы «М» (мадонна Мария). По улицам медленно двигалась плотная толпа, и Франческо заботливо предупредил меня, что тут надо беречь свои карманы.

Зрелище было занятное и пестрое. Шумные группы молодых парней с залихватскими бумажными шапками на головах, девушки в модных юбках из простой грубой мешковины, разрисованной масляными красками. Морщинистые богомольные старухи в черных платьях, откормленные монахи в сутанах и рясах и, наконец, совершенно опереточные жандармы в парадных мундирах с аксельбантами и в широченных треуголках.

Все это шумело, кричало на разные голоса, неподалеку играла музыка, бойко торговали кабачки, кафе и лотки с фруктами. Стараясь привлечь клиентов, надрывно выкрикивали что-то в микрофоны владельцы множества лотерей, где разыгрывалось всякое барахло. Где-то впереди, невидимая за плотным скоплением людей, двигалась религиозная процессия. И тотчас там, вдали, взвились первые ракеты фейерверка — главного номера программы всех итальянских праздников.

Итальянцы — великие мастера пиротехники, и фейерверк, который я видел в Рекко, был замечательным зрелищем. Как мне объяснили, в тот вечер шло пиротехническое соревнование между двумя местными фабриками.

Уже первая устроила фейерверк, по моим представлениям, на «отлично». Но когда полчаса спустя вступили в дело пиротехники второй фабрики, — тут мы вовсе раскрыли рты. Небо буквально кипело, буйные каскады огня, взрываясь с ослепительным блеском, брызгали далеко в стороны, достигая чуть не до горизонта, на землю низвергались с высоты сверкающие водопады всех красок, сказочные, горящие всеми цветами радуги, огненные деревья мгновенно вырастали и опадали в темной вышине. А вокруг стоял такой треск и грохот, что я невольно вспомнил утро Яссо-Кишиневского прорыва 20 августа 1944 года, когда огромные массы нашей артиллерии обрушили свой огонь на позиции врага.

Могу засвидетельствовать одно. Несколько дней спустя после праздника в Рекко я был в Риме на торжествах, посвященных окончанию Олимпиады. Стоя на высокой террасе Пинчио, поднимающейся над одной из центральных площадей города — Пьяцца дель Пополо,—откуда открывается широкая панорама итальянской столицы, я наблюдал фейерверк, в котором соревновались лучшие мастера Италии и Японии. Признаюсь, это зрелище было слабее того, что я видел в городке Генуэзской Ривьеры. Провинциальные пиротехники Рекко смело могут потягаться со своими столичными и иноземными коллегами.

Мы вернулись из Рекко уже далеко за полночь, и Франческо Капурро, несмотря на поздний час, повез меня осматривать свое «предприятие».

Его бензиновая станция выглядела, как на картинке, — чистенькая, аккуратная, с ярко выкрашенными бензоколонками, со светлым домиком, больше чем наполовину построенным из стекла. Там, в конторке самого хозяина, на почетном месте рабочего стола стояла фотокарточка молодого красивого человека с открытым горделивым лицом. Это портрет лучшего друга Франческо, его боевого товарища, погибшего от рук гитлеровцев и посмертно награжденного Золотой медалью Сопротивления. Капурро рассказывал о нем с какой-то особенной нежностью, как говорят о любимом брате, и чувствовалось, что воспоминание об этой дружбе будет светить ему теплым огоньком до конца его дней.

В своих очерках я не случайно пишу так много об участниках партизанского движения в Италии. Дело не только в том, что меня интересовали история итальянского Сопротивления и его люди. Бывшие партизаны и их ассоциации, существующие во всех провинциях и городах Италии, играют очень важную роль в современной жизни страны. Люди, которые с оружием в руках завоевали независимость своей родине, которые заплатили за победу своей кровью, они чувствуют глубокую ответственность за судьбы народа и не могут стоять в стороне от сегодняшней политической борьбы. Эти люди — один из самых активных отрядов итальянских трудящихся, совесть и честь народа, его испытанный боевой авангард.

В день, когда я уезжал из Генуи, группа бывших партизан собралась в своем штабе, чтобы проводить меня. Мы подняли прощальный тост, и я сказал своим хозяевам, что уезжаю от них un po genovese — «немного генуэзцем», влюбленным в их город и в его замечательных людей. Сейчас, по прошествии месяцев, я могу только подтвердить эти слова — такими живыми и яркими остаются впечатления нескольких дней, проведенных в Генуе.

Время от времени я получаю письма от генуэзских товарищей или открытки с видами Ривьеры и с краткими теплыми словами привета на обороте. А когда недавно газеты сообщили о результатах муниципальных выборов в Италии, я от души порадовался успеху генуэзских коммунистов, одержавших еще одну победу над реакцией и укрепивших свои позиции на этих выборах.

Сейчас, прощаясь с Италией, я прежде всего хочу послать свое благодарное сердечное ar rivederci (до свидания) Генуе и моим генуэзским друзьям. Пусть всегда сопутствует им удача в их благородной и нелегкой работе и борьбе. Пусть всегда воодушевляют их гордые слова, вырвавшиеся из взволнованного сердца их неизвестного согражданина:

«Герои Сопротивления, Генуя достойна вас!»

Окончание. Начало см. «Литературная газета», №№ 123, 126, 141, 142, 145.

«Поступки и людей он звал их именами»...

К 150-летию со дня рождения Альфреда де Мюссе

ХОРОШО забыться июньским послеполуднем с томиком Мюссе у распахнутого ларя букиниста. Вдруг услышишь, как плещется за гранитным парапетом разомлевшая Сена, неся золотую чешую солнечных бликов дальше и ниже— к лиловым теням мостов; как негромко шелестят каштаны, тронутые ветерком, в котором слито дыхание бензина и запахи нагретого камня.

А почему прелесть Парижа, теплое золото Сены и неба над нею почувствовались так остро, так внезапно? Да потому, что глаза задержались на сонете, в котором поэт вспоминает, как возвращается он в любимый город. Свойственное Мюссе уменье схватить и сохранить подлинную живую минуту человеческого существования, оплавить ее в стихи, увековечить отозвалось мгновенным ощущением радости бытия, запечатленной в стройных светлых зданиях, в Сене, в каштанах, даже в невозмутимом печальном букинисте с его рыжей курткой.

Любит ли он Мюссе? Да, пожалуй, хотя это и очень старый поэт. А мсье, вероятно, русский. Почему? Да потому, что русские все еще интересуются поэтами. Вот это приятно услышать о соотечественниках.

Нет, не старый поэт Мюссе, и многое живо в не таком уже большом наследии этого большого поэта.

И среди того, что живо, — не только его милые итальянские и испанские стихи, ласково встреченные нашим Пушкиным, не только его горькие и насмешливые байронические поэмы «Мардош» и «Ролла», подкупающие искренностью, которая была не очень свойственна французским поэтам его времени.

Конечно, живы и очаровательные пьесы Мюссе: их талантливый сценарий одухотворен изящным и тонким психологизмом, в них ирония и юмор — нередко довольно напряженные — скрывают подчас бальзаковскую мещанскую драму только потому, что Мюссе не хочет воспринимать всерьез изображаемых им людей; их поступки и интересы ему смешны, а то и жалки.

И уж, конечно, жива милая Мими Пенсон, юная парижская швейка, так гордившаяся тем, что ее единственное нарядное платье делало ее похожей на испанку, — та самая Мими Пенсон, о которой ее друзья-студенты пели:

Любя республику без шуток,
душой свободе преданя,
на баррикадах трое суток
моя Мими не знала сна!

Умный, добрый виртуозный поэт и рассказчик! Но и какой трагический писатель — вспомните, целое поколение французской молодежи говорит его устами в «Исповеди сына века», этой пламенной и чистой книге, которую отметил Горький. Помните ли вы, что она начинается как эпос 1800-х годов — торжественной, мрачной, звучной фразой, поразившей значительностью Арагона: «Во время войн Империи, когда мужья и братья сражались в Германии, встревоженные матери произвели на свет пылкое, болезненное, нервное поколение...» Черт возьми, да о каком времени это сказано?

«...Три стихии составляли жизнь, которая раскрывалась перед молодым поколением: позади — прошлое, уничтоженное навсегда, но еще трепетавшее на своих развалинах со всеми пережитками веков абсолютизма; впереди — сияние необъятного горизонта, первые зори будущего; а между этими двумя мирами... некое подобие океана... нечто смутное и зыбкое; бурное море, полное обломков кораблекрушения, где нередка белеет далекий парус или виднеется извергающий густой дым корабль, — словом, настоящий век, отделяющий прошлое от будущего, не являющийся ни тем, ни другим, но похожий и на то, и на другое вместе, век, когда не знаешь, ступая по земле, что у тебя под ногами — всходы или развалины. Вот в этом хаосе надо было делать выбор, вот что стояло тогда перед юношами, исполненными силы и отваги, перед сынами Империи и внуками Революции». Нельзя читать эти строки без глубокого волнения, без мыслей о современной Франции, о ее юношах. В наши дни они опять стоят перед выбором, перед решением.

Мюссе гордился тем, что в его роде «не было республиканцев». И вместе с тем он становился подлинным трибуном, когда было задето его представление о чести родины, о чести его народа. Поэт любовных ночей и изысканного досуга, он находил резкие, бичующие слова, когда осуждал правителей Франции за поступки, недостойные Франции, и, обращаясь к читателю, звал его за собой:

— А если что тебя задело мимоходом,
не бойся пошлым стать, кричи со всем
народом!

А как звучат его стихи сегодня, когда все еще пылает факел войны в Алжире, когда бундесвер располагается на винтерквартирах в Мурмелоне! Мюссе представляет себе, что сказал бы парижанам Аристофан, если б он убедился в их бездеятельности:

— Шальные жители Лютеции старинной!—
Так он сказал бы нам. — Вы в спячке
беспричинной!
Вас одурманили? Дать палки? Но кому?
Вы живы или нет? Я что-то не пойму!
Затянули прессе рот — вы спите сном
невинным!
Палата тужилась и родила тюрьму!

И вот что думал Мюссе о долге поэта:

Поступки и людей он звал их именами.
С добра и зла покров не им ли совлечен?
Народу самому ряд горьких истин он
Преподносил в стихах со сцены
временами.

Вот так самому народу говорит поэт правду, как бы ни была она горька.

Нет, мы не поверим, если опять по поводу юбилея этого гордого и честного поэта услышим что-нибудь о том, что он был поэтом Красоты, Мечтателем, томным лириком. Было, было и это, но не в этом было главное. А главное, видимо, в том, что Альфред де Мюссе относится к числу тех бессмертных французских писателей прошлого века, чье творчество тревожило, восхищало и звало к большой и деятельной жизни души нескольких поколений молодежи мира.

Р. САМАРИН

Вчера в Доме дружбы с народами зарубежных стран под председательством В. Инбер состоялся торжественный вечер, посвященный Альфреду де Мюссе.

Вечер был организован Обществом СССР — Франция, Союзом писателей СССР, Домом дружбы с народами зарубежных стран и Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы.

Субботняя почта Литературной газеты

ИЗ ЗАМЕТОК О ЯЗЫКЕ

ПО ПОВОДУ ДВУХ СЛОВ

М. ИСАКОВСКИЙ

НЕ БЕРУСЬ объяснить, по какой причине это произошло, но произошло так, что в последние два-три года со страниц нашей периодической печати, из радиопередач, из лекций, докладов и т. п. почти совершенно исчезло (за крайне редкими исключениями) слово «работать». Его всюду стали почему-то заменять словом «трудиться», хотя такая замена далеко не всегда правомерна, а иногда она просто нелепа. Я не говорю уже о том, что «изгнание» из обихода простого хорошего и очень емкого слова «работать» обедняет наш русский язык, лишает нас одного из средств выражения мысли, одной из словесных красок, одного из оттенков нашей речи.

Слова «работать» и «трудиться» (а также некоторые другие, происходящие от тех же корней, например «работа», «труд» и т. п.) действительно как бы являются синонимами, и в ряде случаев одним из них легко заменяется другое. Но замену все же можно произвести далеко не всюду, ибо в каждом из этих слов, как бы совершенно сходных, адекватных по значению, есть вместе с тем свои, особые, иногда трудно уловимые оттенки смысла. Они-то, эти оттенки смысла, и должны определять, где какое слово более уместно или вовсе неуместно.

Я не собираюсь подробно объяснять, какой оттенок смысла может появиться в названных мною словах при употреблении их в самых разных случаях, но на отдельных моментах все же хочу остановиться.

Думаю, не очень трудно понять, что когда, например, говорят «человек работает», то это значит лишь то, что он выполняет определенные функции. Это как бы просто информация о том, что человек, чем-то занят. Но эта «информация» ничего еще не говорит о том, как работает человек, то есть работает ли он в полную силу или так себе, с прохладцей, с ленцой и т. п.

Когда же употребляется выражение «человек **трудится**», то это значит не только, что он выполняет определенные функции, но говорит и о том, как он их выполняет, ибо слово «трудиться» — значит **работать честно, добросовестно, усердно, работать в полную меру своих сил**. О человеке, который работает лениво, к делу относится нерадиво или который делает какую-либо легкую, пустячную работу, никак нельзя сказать, что он **трудится**.

Слово «трудиться», помимо всего прочего, иногда означает еще: делать какую-либо особо трудную, особо сложную работу, требующую большого, иногда даже чрезмерного напряжения сил, большого терпения. А если что-либо делается легко, просто, то это уже не труд. Так ведь иногда и говорят: мол, сделать это мне не стоит никакого труда.

Можно привести и другой пример, основанный уже на словах, производных от «работать» и «трудиться».

Когда употребляют такое, например, выражение, как «**работник** сельского хозяйства», то это определяет лишь ту отрасль хозяйства, в которой человек занят. Но это еще не определяет, какой он работник: хороший ли, средний ли, плохой ли, работает ли он как следует или только отбывает «повинность».

Если же говорят «**труженик** сельского хозяйства», то это значит, что речь идет о человеке, работающем честно, добросовестно, преданно, то есть о таком, который действительно **трудится**, отдавая делу все свои силы и способности. Человека, работающего плохо или даже средне, назвать тружеником уже нельзя.

И, между прочим, поэтому кажется очень странным, когда «Литературная газета» за 27 октября 1960 года (фельетон Я. Дымского «Штаны в кредит») пишет:

«Двадцать пять тысяч рублей, которые ее муж «задолжал» в магазине, где он **трудился** (подчеркнуто мной. — **М. И.**), они вернули...».

Речь идет о работнике магазина — растратчике, хапуге, запустившем руку в государственный карман. Так вот, по мнению Я. Дымского, выходит, что этот хапуга ни больше ни меньше, как **трудился** в магазине! Нечего сказать, хороший «труд»!

Я думаю, что редкий человек сказал бы: «Я **тружусь** на заводе слесарем». Вместо «тружусь» он бы сказал: «Я **работаю** слесарем...» Это более естественно, более правильно. Но газетный репортер «забыл» почему-то о слове «работать» и ответ слесаря записал по-своему: «Я **тружусь** слесарем...»

Смоленская газета «Рабочий путь» пишет: «Сейчас Георгий Степанович **трудится** (подчеркнуто мной. — **М. И.**) в крюковском училище механизации». Это тоже неправильно. И сам Георгий Степанович не сказал бы так. Надо все-таки «**работает**».

И уж совсем нехорошо, когда по радио вдруг скажут: «В настоящее время бригада коммунистического **труда трудится** над выполнением...» и т. д. Тавтологии вполне можно было бы избежать, употребив слово «работает», но сотрудник последних известий по радио почему-то игнорировал это слово, как его игнорируют сейчас многие.

Бывают вещи и похуже. И все по той же причине: люди «забывают» о слове «работать».

11 июля 1960 года я слышал, как один товарищ совершенно серьезно сказал в своем выступлении по радио, что «руки трудятся». Если принять это за норму, то, очевидно, и о других органах человеческого тела можно сказать, что они «трудятся». Например: «Что-то голова у меня плохо трудится» или «почки у него трудятся нормально».

Но ведь это же совершенно безграмотно!

Однако это еще не все.

В районной газете я прочитал, что «тракторы **трудятся** по подъему зяби». В очерке «Охота за микронами», переданном по радио, говорится, что «автоматы **трудятся**». Корреспондент «Известий» С. Сидорцев в своей заметке (см. «Известия» за 22 октября 1960 г.) называет вертолеты «**винтокрылыми тружениками**». Не помню уже сейчас, какая газета сообщила, что «танк **трудится**» (речь шла о танке, с которого сняли вооружение и который стал использоваться как мощный тягач). Повидимому, этот же самый танк, приспособленный для перевозки бидонов с молоком в условиях горной местности, был показан в одном из журналов кинохроники, причем в дикторском тексте также значилось, что «танк **трудится**».

Неужели не ясно, что **ни автоматы, ни тракторы, ни тягачи-танки, ни какие-либо другие машины или механизмы трудиться не могут?** Они **могут работать, функционировать, двигаться** и т. п., но никак не трудиться.

Слова «труд», «трудиться», «труженик» и т. п. **применимы только к существу одушевленному, а именно к человеку.** (Кроме человека, еще о пчелах и муравьях говорят, что они **трудятся**, и это правильно.)

Не может не удивлять то, почему этого не понимают люди, которые по одной своей профессии обязаны хорошо знать русский язык и умело им пользоваться, речь которых должна быть примером безупречной грамотности.

Как бы там ни было, но мне кажется, что такое положение нетерпимо. Надо прекратить произвольное обращение со смыслом слов, не искажать этого смысла, хотя бы речь шла пока только о двух словах. Надо «реабилитировать» слово «работать», хотя, кстати сказать, оно ничем и не «провинилось» перед нами.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПИРАТЫ У ВОЛЖСКОЙ ПЛОТИНЫ»

10 СЕНТЯБРЯ в «Литературной газете» была опубликована статья «Пираты у Волжской плотины». В ней сообщалось о разгуле браконьеров на Волге, о пиратском нападении команды катера, принадлежавшего управлению Волжской гидроэлектростанции, на лодку с представителями рыбоохраны. Нападение это лишь по счастливой случайности не закончилось гибелью находившихся в лодке людей. Одновременно об этом же сообщала газета «Комсомольская правда» в статье «Пираты» на Волге».

Статья «Пираты у Волжской плотины» вызвала многочисленные отклики, опубликованные в «Литературной газете» 24 сентября и 22 ноября. Наши читатели требовали сурового наказания преступников, участвовавших в нападении на рыбоохрану, их пособников и принятия решительных мер против браконьерства.

22 октября в «Литературной газете» был опубликован приговор суда, по которому члены экипажа катера, напавшего на лодку рыбоохраны, приговорены к разным срокам тюремного заключения. В связи со статьей бюро Куйбышевского обкома КПСС наметило ряд мероприятий по устранению недостатков в охране рыбных запасов и усилению борьбы с браконьерами.

Недавно Совет Министров РСФСР принял постановление «О дополнительных мерах по усилению охраны рыбных запасов в водоемах РСФСР».

«Проведенной Комиссией советского контроля Совета Министров РСФСР проверкой фактов, изложенных в статьях «Пираты у Волжской плотины» и «Пираты» на Волге», опубликованных в «Литературной газете» и в «Комсомольской правде», — говорится в постановлении,— установлено, что в Куйбышевской области были допущены серьезные недостатки в организации охраны водоемов, в результате чего имели место грубые нарушения правил рыболовства, массовое браконьерство и незаконная торговля частных лиц рыбой.

Главгосрыбвод при Совете Министров РСФСР и некоторые его бассейновые инспекции слабо ведут борьбу за сохранение и увеличение рыбных запасов и не используют в полной мере предоставленные им права по пресечению нарушений правил рыболовства и браконьерского лова рыбы...»

В целях усиления охраны рыбных запасов и регулирования рыболовства во внутренних водоемах Совет Министров РСФСР обязал Главгосрыбвод при Совете Министров РСФСР:

устранить имеющиеся недостатки в работе органов рыбоохраны и повести решительную борьбу с нарушителями правил рыболовства и браконьерами;

развернуть широкую пропаганду среди населения и рыбаков по вопросам охраны и воспроизводства рыбных запасов и вовлечению общественности в дело охраны водоемов;

организовать в основных рыбопромысловых бассейнах для наблюдения за состоянием водоемов и усиления охраны рыбных запасов дополнительно в 1961 и 1962 годах 46 районных инспекций и 90 контрольно-наблюдательных ихтиологических пунктов.

Большое внимание в постановлении уделяется усилению роли общественности в охране рыбных запасов. Главгосрыбводу разрешено передавать рыболовецким и сельскохозяйственным колхозам и рыбозаводам (рыбокомбинатам) с их согласия охрану отдельных эксплуатируемых ими рыбопромысловых участков, а добровольным обществам спортивного рыболовства — водоемы, не имеющие промыслового значения, для организации спортивно - любительского лова рыбы с тем, чтобы они осуществляли на этих водоемах охрану и проведение необходимых рыбоводно-мелиоративных мероприятий.

Советам Министров автономных республик, крайисполкомам и облисполкомам поручено:

рассмотреть вопрос об оказании помощи инспекциям рыбоохраны и привлечении общественности к выполнению задач по охране и воспроизводству рыбных запасов;

навести порядок в использовании гребного, парусного и моторного флота, находящегося в личном пользовании отдельных граждан;

принять меры, исключающие возможность торговли частных лиц рыбой на рынках (кроме районов, в которых торговля рыбой разрешена).

Совет Министров обязал Госплан РСФСР предусмотреть в плане на 1961 год улучшение материально-технического снабжения системы Главгосрыбвода.

Постановление Совета Министров предусматривает организацию научных исследований по разработке биологических обоснований правил рыболовства и основ рационального ведения рыбного хозяйства. При Астраханском и Тюменском техникумах рыбной промышленности должны быть организованы ихтиологические отделения для подготовки специалистов по охране рыбных запасов и регулирования рыболовства.

Для государственных и общественных инспекторов рыбоохраны учреждаются нагрудные знаки.

Совет Министров РСФСР постановил:

«Принять к сведению сообщение зам. председателя Куйбышевского облисполкома т. Исаева и начальника Главгосрыбвода при Совете Министров РСФСР т. Миронова, что ими приняты необходимые меры по устранению недостатков, отмеченных в статьях «Пираты у Волжской плотины» и «Пираты» на Волге», опубликованных в «Литературной газете» и в «Комсомольской правде», а также по ликвидации других недостатков, связанных с охраной водоемов, и что лица, виновные в этих недостатках, строго наказаны».

БЕЗ ВЕДОМА АВТОРА

НЕДАВНО я случайно узнал о том, что Омская студия телевидения подготовила телефильм «Бессмертие» по мотивам моего романа «Когда крепости не сдаются».

Так со мной произошло то, против чего давно, вполне справедливо, но совершенно бесплодно поднимают свои голоса многие наши писатели: не только без согласования с авторами, но даже и без уведомления произведения их перелицовываются, переделываются. Допустим, что простая корректность и товарищеская обязательность — пустые понятия. Но беда еще в том, что перелицовка сплошь и рядом делается не очень-то умелыми и опытными людьми. И вот тогда получается совсем плохо.

Правильно ли это? Хорошо, что инсценируются произведения нашей литературы. Это, безусловно, надо поощрять. Но яснее ясного, что никто не мог бы оказать инсценировщикам большей помощи, чем сами авторы. Наконец, хочется спросить еще и о том: а позволяет ли закон экранизировать художественные произведения без ведома их авторов?

Все это отнюдь не риторические, а деловые вопросы. От правильного ответа на них в значительной степени зависит идейно-художественный уровень многих «экранизаций». Мне пришлось окончательно убедиться в этом, когда я прочитал сценарий «Бессмертия» и просмотрел телефильм. Сценарий — типичная любительская продукция. Со второго эпизода начинается ряд ошибок — фактических, текстовых и смысловых. Первые происходят от незнания, подкрепленного самоуверенностью, вторые — от презрения к грамматике. О третьих надо сказать особо.

Известный советский патриот генерал Карбышев (главный герой как моего романа, так и телефильма) выражает свое отношение к начавшейся Великой Отечественной войне в следующих словах: надо выжить во что бы то ни стало... В романе, конечно, этого изречения нет. Но как же все-таки его следует понимать? Выжить любой ценой? Не мог так рассуждать генерал Карбышев, связывая свою судьбу с жестокой борьбой за счастье Родины. Да ведь и самый телефильм-то посвящен именно тому, что Карбышев отнюдь не собирался «выжить во что бы то ни стало», а предпочел погибнуть для пользы и славы своего народа. Откуда же взялось это в телефильме? Товарищи из Омска уверяют, будто Карбышев когда-то, где-то, кому-то что-то подобное сказал. Не думаю. Не знаю. Но если и сказал, то ошибся. Теперь же, когда печать безмолвия лежит на его устах, следует ли заставлять Карбышева повторять в телефильме эту маловероятную ошибку?

Вообще при чтении сценария я был поражен исключительно резонерским характером роли, отведенной в нем деятельному, на редкость энергичному и жизнеспособному Карбышеву. Он почти ничего не делает, но всех непрерывно поучает и наставляет. О степени разумения, которое сценарист вкладывает в эти поучения, можно судить по такому примеру.

— Упав в реку, — говорит Карбышев, — плыви к одному берегу.

Как будто существует возможность одновременно плыть к обоим берегам!

Фильм — выше сценария. Общеизвестно, как часто разнятся на театре художественные качества пьесы и спектакля. То же бывает и в кино. В фильме «Бессмертие» все исполнители играют более или менее слабо.

Тема всякого художественного произведения, как известно, раскрывается в сюжете, а сюжет — в действии и в образах героев. В фильме «Бессмертие» мотивы романа использованы без вдумчивого отбора положений, без приведения сюжетных линий в надлежащее взаимодействие. Актерская игра делу, конечно, при таких условиях помочь не может. Не она подняла фильм над сценарием. Но и не режиссерская изобретательность. В заслугу постановщика надо поставить находку отличной сцены, которой открывается картина. Я имею в виду отсутствующий в сценарии эпизод возложения Н. С. Хрущевым венка к памятнику генерала Карбышева в Маутхаузене. Введенный в фильм, этот эпизод чрезвычайно его поднимает. Итак, фильм воздействует не художественными средствами, а самой своей темой глубоко патриотическая правда которой хоть и доносится до зрителя в обрывках, но все-таки доносится и проникает в его душу.

Тем не менее недостатки картины очень велики.

Главным идейно-политическим недостатком фильма является, конечно, то, что из него полностью выпала линия той борьбы, которую в подполье германская компартия ведет в романе против гестапо и СС. Роман писался 10 лет тому назад, но и тогда я уже видел совершенную необходимость уделить этому вопросу значительную долю своего внимания. В романе многое сказано по этому поводу. К сожалению, все это прошло мимо авторов фильма. Странно, что это случилось именно теперь, когда тема идейно-политической борьбы двух Германий за немецкий народ встает во весь рост.

Товарищи из Омска оперируют такими аргументами:

— Слабый сценарий? Да знаете ли вы, сколько он нам стоил? Всего полторы тысячи рублей!

И еще так говорят они:

А известно ли вам, что мы сделали картину за двадцать дней?

Замечательно! Но не лучше ли все-таки было бы поработать над ней полгода или даже целый год для того, чтобы получился действительно полноценный фильм? Нет никакого сомнения, что телевидение — самый доходчивый и близкий к массам вид искусства. И надо больше инсценировать произведений писателей. Но откуда же эти разговоры об отсутствии времени и средств для создания подлинно художественных произведений телеискусства?

Мне кажется, что тенденции любительства в этой области творчества должны быть устранены.

Государственному комитету по радиовещанию и телевидению следовало бы, как я думаю, не откладывая в долгий ящик, теперь же категорически запретить правонарушения, связанные с созданием радиопостановок и телефильмов без согласия авторов используемых произведений. И, кроме того, строже подходить к отбору драматургического материала.

С. ГОЛУБОВ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ФРАГИ

...Стих мой скромный, стих гонимый
Правнук мой произнесет.

Так писал в одном из своих бессмертных произведений классик туркменской литературы Махтумкули (Фраги). В дни юбилея поэта — 225-летия со дня рождения — эти стихи вновь и вновь читают его правнуки. 12 декабря они зазвучат в Большом зале Московской консерватории, где состоится вечер, посвященный творчеству Махтумкули.

Вечер организован Союзом писателей СССР и Союзом писателей Туркмении. Под председательством Н. Тихонова выступят советские литераторы: Б. Кербабаев расскажет о творчестве великого туркменского поэта, А. Тарковский и Ю. Гордиенко прочтут переводы его стихотворений. В заключение вечера будет дан концерт, в котором примут участие артисты Туркменской ССР и московские мастера художественного слова.

ЧТОБЫ ВСЕ ПРОЧЛИ...

(Окончание. Начало на 4-й стр.)

не обладающие правами прямого запрета, ополчились бы против такого рода книг всей силой своего морального авторитета.

Но если бы комиксы все же издавались — сделаем такое теоретическое допущение — они несомненно принесли бы вред и нашей молодежи. Эта паразитирующая литература, легко поглощаемая, дразнящая головокружительными криминальными, сыскными сюжетами, сделала бы свое дело, и глубоким гражданским литературным интересам народа был бы нанесен урон.

Вот почему мы горячо ратуем за приключенческую литературу, как литературу подвига, мужества, создание которой неотделимо от «мук творчества» и всех действительных сложностей творческого процесса, и против ремесленного обособления криминально-приключенческих сюжетов.

ХАДЖИ-Мурат Мугуев написал две такие непохожие книги: «К берегам Тигра» и «Кукла госпожи Барк». О первой знают сравнительно немногие; вторую зачитывали до дыр — она вышла в приключенческой серии Воениздата. Я представляю себе, что когда-нибудь в сборнике «Приключенческая повесть середины XX века» непременно будет напечатано «К берегам Тигра», а о «Кукле госпожи Барк» никто не вспомнит.

В повести «К берегам Тигра» изображен неслыханный по испытаниям, по зримому мужеству рейд казачьей сотни через всю Персию, к Персидскому заливу в годы первой мировой войны. Это — приключение в самом прямом, благородном и высоком смысле слова: книга читается с огромным интересом, она передает краски и запахи жизни, сложность и многообразие характеров.

Почему же автору не пришло в голову именно ее и предложить в приключенческую серию? Произошло это, вероятно, потому, что повесть «К берегам Тигра» слишком хороша для этого, слишком своеобразна и далека от «детективных» штампов. А этот род литературы возлюбил — и не случайно — грубое и обязательное единообразие, и подозрительную похожесть сюжетов, и однообразный круг персонажей, непременных и единственных членов «детективного пула».

И, словно откликаясь на зов ремесла, на повелительное требование штампа, Х.-М. Мугуев пишет специально для приключенческой серии книгу, которая вполне подходит под определение: «про шпионов». Конечно, Х.-М. Мугуев — художник, и это можно обнаружить на некоторых страницах «Куклы госпожи Барк», но в целом он терпит поражение, если не считать, что у «детективов» свои критерии, свои нищенски заниженные нормативы.

Тот, кто садится за стол в убеждении, что существует «отраслевая» литература о милиции или некая «шпионско-следственная» проза, не создаст ничего, кроме унылой ремесленной поделки. Такие книги — реальная опасность: они развращают читателя, внушают юношеству ложную иллюзию начитанности, осведомленности, способствуют появлению читателя-«шпагоглотателя», которому чужды гражданские мотивы литературы и глубокий интерес к внутреннему миру современников.

Художественная проза практически (и теоретически) не знает границ и ограничений ни в организации сюжета, ни в выборе героев, — книги же «про шпионов», сиречь наш детектив, сами положили себе границы, сами и создали свою жесткую номенклатуру героев. Достаточно прочесть десять таких книг и выписать их героев — этот список вполне сгодится и для десяти следующих книг.

Отчего же так происходит? Не может быть, чтобы люди, пишущие «про шпионов», намеренно ограничивали свои возможности, обкрадывали себя. Вероятно, дело не в них, а во внутренней логике ремесла. Проза берет характеры, стремится подняться до обобщения, до типизации, книги «про шпионов» с унылым постоянством интересуются должностями, служебными функциями и только отчасти характерами. Любопытно, что как только писатель создает книгу резкой и отчетливой индивидуальности, книгу глубоких социальных обобщений и совершенно новых характеров, хотя и более близкую к **приключенчеству**, чем все повести «про шпионов», — эта хорошая книга сразу же относится нами к разряду «серьезной» прозы.

Не потому ли, что «прошпионская» литература сама о себе думает, как о ремесле, как об узкой отрасли, к которой, мол, не применимы общелитературные критерии? Ведь в «Жестокости» и «Испытательном сроке» Нилина куда больше истинного приключения, поэтизации подвига — волнующего, драматически напряженного, чем в книгах «про шпионов».

Сторонники детективной литературы обычно ссылаются как на пример и высокий образец на творчество Конан-Дойля и созданный им образ частного сыщика Шерлока Холмса. Но в том-то и дело, что создание такого образа было художественным открытием Конан-Дойля, его **творческим** актом, а с той поры мир знает тысячи и десятки тысяч подделок под Шерлока Холмса, ремесленных и не оставляющих следа в литературе. А сколько великих, непреходящих художественных ценностей создано за эти же годы мировой литературой! И новый Шерлок Холмс родится не у того писателя, который будет старательно вколачивать живую жизнь в ремесленные рамки книг «про шпионов», а у того, кто станет писать свою «Жестокость», свой «Конец «Саго-Мару», свой «Март — апрель».

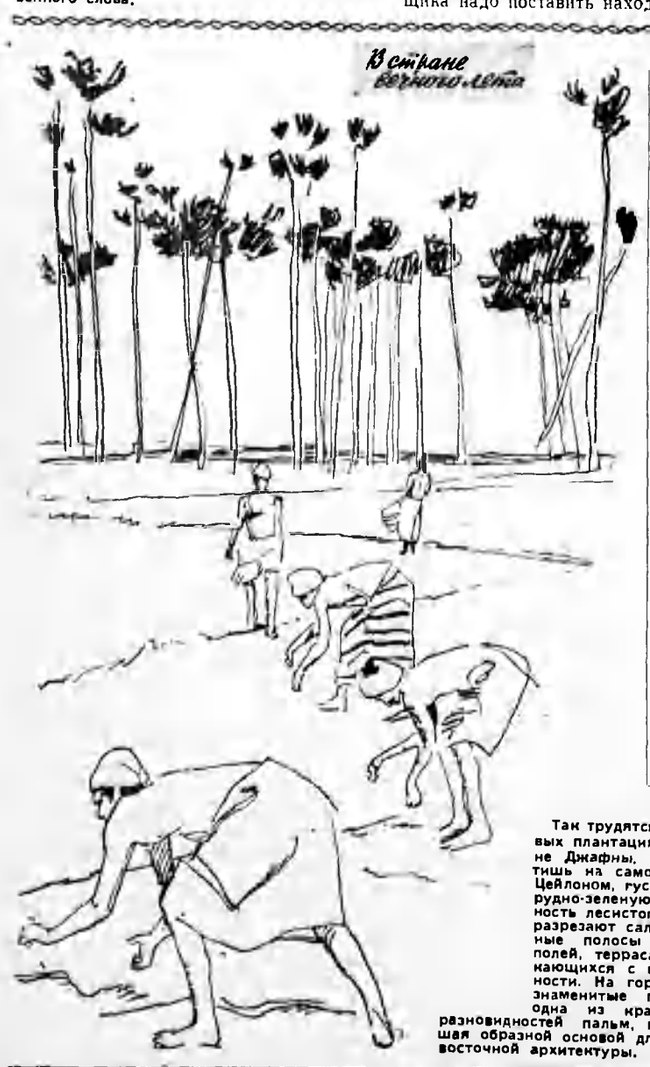
Нельзя лишать юношество волнующих приключенческих книг. Напротив, они очень важны, как могучее и действенное средство воспитания, как нравственный пример и средство познания мира. Было бы неправильным ханжеством так необозримо раздвигать рамки жанра, что в разряд приключенческой литературы попал бы, скажем, и роман «Как закалялась сталь», на том основании, что в нем опоэтизирован и воспет прекрасный мужественный подвиг. Нельзя относить к приключенческой литературе такие книги, как «Андрей Кожухов» или «Овод», и, тем более, ставить приключенческую литературу под сомнение на том основании, что эти отличные, увлекательные и мужественные книги не ложатся в нее.

Подвиг человека — таково содержание приключенческой литературы. Не уголовное преступление (или шпионаж) само по себе, не криминалистская техника, как она ни бывает важна, — а подвиг, подтвержденный полной художественной достоверностью характера, подвиг исторически конкретного человека, изображенного в полную силу — с обязательной для литературы зримой образностью, с атмосферой времени, с настроением, с той музыкой слова, от которой не может быть свободен ни один из существующих литературных жанров. Подвигами зачастую насыщены и книги, далекие от приключенческого жанра, широкие социальные полотна, народные эпопеи. Приключенческая литература берет предмет уже, но уже не социально и не художественно, а тематически. Она берет сферу подвига, самого подвига, берет человека, героя, в момент свершения подвига или в момент, близкий к нему, в крутых и уже сложившихся — часто крайних — обстоятельствах. Она тоже учит, тоже открывает мир и очень волнует. Она показывает истинный патриотизм в самом мужественном подвиге, а не связывает его исключительно с должностью или профессиональной функцией.

Реалистическая приключенческая литература — это не стандартные и убогие книги «про шпионов». Хорошую приключенческую книгу мечтает, вероятно, написать едва ли не каждый писатель. Ей обеспечен огромный интерес — ее прочтут все.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция «Литературной газеты» извиняется перед читателями за опубликование корреспонденции «Ее письмо» («Литературная газета», № 141, от 26 ноября с. г.), автор которой, ленинградский журналист Л. Кронфельд, обманул редакцию, заимствовав свой материал из журнала «Социалистическая законность».



Так трудятся на рисовых плантациях в районе Джафны. Когда летишь на самолете над Цейлоном, густую изумрудно-зеленую поверхность лесистого острова разрезают салатно-зеленые полосы рисовых полей, террасами спускающихся с возвышенности. На горизонте — знаменитые пальмиры, одна из красивейших разновидностей пальм, послужившая образной основой для колонн восточной архитектуры.

Казалось странным, что ловкость канатоходца не привлекает ничьего внимания. И на самом деле, цирковое искусство тут ни при чем — так собирают кокосы в южной части острова.

Подъезжая к какому-нибудь селению, мы уже издалека слышали сухую дробь барабана. С давних времен на тревожный призыв барабана стекались люди, идя цепочкой по узким тропинкам джунглей, пересекая залитые водой рисовые поля. На этот раз барабан созывал рабочих с плантаций Матары для встречи с нами гостями из Советского Союза.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.
Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.
Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30
Б—024264